

ПРАЗДНИК ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА

20 прериала II-го г. - 8 июня 1794 г.

критический очерк

А. А. Матвеевой-Леман

Историческое обозрение.

1911. Т.16. С.24-86.

Веб-публикация: Ната Мишлетистка, Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения © Орфография приведена Мишлетисткой к современному виду.

В «Историческом Обозрении» уже была помещена (в VI т.) статья покойного Н. В. Водовозова о культе Разума и Верховного Существа на основании вышедшей в 1829 г. книги Ailard'a. «Le culte de la raison et le culte de l'Être Supreme». Самому празднованию 20 прериала в этой книге посвящена глава XXVI, заключающая в себе 16 страничек малого формата (307-322); кроме этого, в главе XXV (стр. 297-306) говорится о приготовлениях к торжеству, а в главе XXVII (стр. 323-330) - о непосредственных его следствиях. Печатаемая здесь статья представляет собою более подробное, нежели у Олара, изложение этого интересного эпизода из истории французской революции, основанное на критическом изучении целого ряда источников. Автор настоящей работы, А. А. Матвеева, написала ее по-французски в бытность свою студенткою Сорбонны, в которой она занималась под руководством Олара, озаглавив свою статью «Etude critique sur la journee de 20 prairial an II». Работа была представлена на словесный факультет, для получения так называемого «diplome d'études universitaires», каковой и был выдан г-же Матвеевой после защиты работы перед профессорами в мае 1910 г. В настоящее время А.А.Матвеева состоит слушательницей Спб. Высших Женских курсов и участвует в семинарии по новой истории, в котором, по предложению профессора-руководителя, и прочитала по-русски главные части своей работы, для чего первоначально и предприняла перевод ее на русский язык. *Ред.*

Целью этой работы было собрать по возможности все документы, относящиеся к празднику Верховного Существа, выяснить и определить относительную ценность каждого из этих документов и при помощи тех из них, которые окажутся наиболее заслуживающими доверия, нарисовать со всей возможной полнотой и точностью картину этого дня. Но этим не ограничивалась моя задача. Пожалуй, гораздо больший интерес представляет для нас не то, как именно сошел этот праздник, а то, как отнесся народ к введению нового культа и к первому его празднику, бывшему 20 прериала II-го года. Не безынтересно также для нас, как относились к этому празднику позднейшие поколения; поэтому в моей работе уделено много места мнениям современных и позднейших писателей и историков, интересовавшихся этим предметом.

Прежде чем говорить о введении нового культа, следует, может быть, бросить краткий взгляд на предшествующие события религиозной истории Франции.

Декларация прав признала свободу вероисповеданий; гражданское устройство духовенства, определивши отношение католических священников к папе и к французскому правительству, не затронуло самой католической религии, как таковой. Каждый мог по прежнему свободно исповедовать религию отцов и еще в мае 1793-го года религиозные процессии совершались обычным порядком и без всяких недоразумений. Но если сама католическая религия пока, сохраняла весь свой престиж, то отношение к католическому духовенству мало-помалу начало изменяться, когда Правительство и воинствующие патриоты стали видеть в духовных лицах главных защитников всяких смут, после того, как значительная часть клира отказалась присягнуть гражданскому устройству духовенства. Участие неприсяжных священников в вандейском восстании заставило Конвент выработать новые постановления против духовных лиц, замешанных в беспорядках, грозивших им смертной казнью. Эти постановления были дополнением к мерам, которые раньше принимало Законодательное Собрание против священников, могущих вредить делу национальной защиты. Мало-помалу на этой почве возникло анти-католическое и анти-христианское движение. Начало этому движению, относящемуся к осени 1793-го года, было положено в провинции; его поощряли некоторые эмиссары Конвента. Затем оно переходит в Париж. Празднество 10-го августа 1793-го года первое из всех национальных праздников республики, носило исключительно светский характер. 5-го октября того же года была постановлена замена прежнего грегорианского календаря новым республиканским. Затем движение против католичества приняло общий характер; почти все революционный секции Парижа заперли приходские церкви, а потом превратили их в храмы Разума.

Но само правительство не стремилось к уничтожению католицизма: это не казалось ему правильной политической мерой. Не раз в Конвенте или в якобинском клубе то один, то другой депутат восставал против дехристианизации, против атеизма: политические деятели боялись, что подобная политика окончательно восстановит против Франции всю Европу. Наиболее яркое выражение этих идей мы видим в докладе Робеспьера от 18-го флореаля; предложенный им декрет, который немедленно был принят Конвентом, положил конец атеистическим тенденциям и утвердил новую деистическую религию - культ Верховного Существа.

18-го флореаля II-го года (7-го мая 1794-го года) Робеспьер прочел в Конвенте «Доклад от имени Комитета Общественного Спасения о соотношении религиозных и моральных идей с республиканскими принципами и о национальных праздниках». После этого доклада Конвентом был принят предложенный Робеспьером декрет; вот некоторые статьи этого декрета:

«Статья I: Французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертия души.

Статья II: Он признает, что культ, достойный Верховного Существа, заключается в выполнении человеком его обязанностей.

Статья IV: С целью напоминать людям о Божестве и об их собственном достоинстве будут учреждены праздники.

Статья VIII: Комитетам Общественного Спасения и Народного Просвещения поручается составить план организации этих праздников.

Статья XV: 20-го прериаля будет устроен праздник в честь Верховного Существа. Давиду²⁾ поручено представить Конвенту программу этого праздника».

Тотчас по принятии этого декрета Давид взобрал на трибуну и прочел составленную им программу праздника Верховного Существа. Вот эта программа, одобренная и принятая Конвентом³⁾.

«Программа Праздника Верховного Существа, составленная Давидом и принятая Конвентом

Едва только занимается заря, как звуки воинственной музыки раздаются со всех сторон и заставляют людей сменить покой сна на радостное пробуждение. При виде благодетельного светила, которое оживляет всю природу, друзья, братья, мужья, дети, старики и матери спешат приготовиться к празднику Божества. Снаружи дома украшаются трехцветными флагами, ворота и двери убаиваются гирляндами зелени. Целомудренная супруга вплетает цветы в волосы своей дорогой дочери. В то время, как младенец прижимается к груди своей матери, лучшее украшение коей он составляет, сын ее, в расцвете своих сил, берется за оружие; он не желает получить свою перевязь иначе, как из рук своего отца; старик, улыбаясь от удовольствия, со слезами умиления на глазах, чувствует, как молодеет его душа и возрождается его былая храбрость, когда он наделяет саблями защитников свободы.

Между тем раздается сигнальный выстрел. В один миг все жилища пустеют; они остаются под охраной республиканских законов и добродетелей; народ заполняет улицы и площади; радость и братская любовь воспламеняют его. Разнообразные группы, украшенные цветами весны, представляют собою оживленный цветник и благоуханье располагает души к этой трогательной сцене. Барабаны грохочут, все принимает другой вид. Подростки, вооруженные ружьями, соединяются в отряды вокруг знамени своей секции. Жены покидают своих мужей и своих сыновей; в руках у них букеты роз. Дочери сопровождают своих матерей, которых они должны покинуть только для того, чтобы перейти в объятия своих мужей; они несут корзины с цветами. Отцы ведут своих сыновей, вооруженных саблями; те и другие держат в руках дубовые ветви. Все готово к отправлению: каждый горит нетерпением поскорее явиться на то место, где произойдет церемония, которая должна исправить грехи новых служителей преступной королевской власти. Залп артиллерии возвещает наступление давножданного момента; народ собирается в Национальном саду; он окружает амфитеатр, предназначенный для членов Конвента. Порттики, окружающие этот амфитеатр, украшены гирляндами зелени и цветов, переплетенными трехцветными лентами. Когда все секции собрались и все должностные лица на своих местах, народных представителей извещают, что все готово для праздника Верховного Существа.

Члены Конвента, предшествуемые громкой музыкой, показываются народу; председатель появляется на трибуне, в центре амфитеатра; он дает почувствовать те побуждения, которые вызвали это торжественное празднество, он приглашает народ достойным образом почтить Творца природы. Он говорит, и народ оглашает воздух криками восторга. Так слышим мы шум волн взволнованного моря, который звучные ветра юга поднимают и разносят по долинам и далеким лесам. - Внизу амфитеатра возвышается монумент, изображающий собою врагов общественного благополучия; отвратительное чудовище атеизма возвышается над всем: оно поддерживается честолюбием, эгоизмом, раздором и ложной простотой, под рубищем нищеты прячущей украшения, которыми убирают себя королевские рабы. - На челе этих фигур можно прочесть следующие слова: *Единственная надежда иностранцев*. Она будет у них отнята. Председатель приближается к монументу, держа в руках факел; группа воспламеняется, чудовища возвращаются во мрак небытия с такой же быстротой, как и заговорщики, пораженные мечем закона. Среди пепла возвышается статуя Мудрости со спокойным и ясным челом; при виде ее слезы радости и благодарности текут из всех глаз. Она утешает добродетельного человека, которого атеизм хотел довести до отчаяния. Дочь Неба как будто говорит: народ, воздай почет Творцу природы; уважай его непоколебимые законы! Да погибнет дерзновенный, который осмелился бы посягнуть на них! Храбрый и великодушный народ, ты можешь судить о своем величии по тем средствам, к которым прибегают, чтобы тебя погубить. Твои лицемерные враги хорошо знают твою искреннюю привязанность к законам Разума и через это они хотели тебя погубить; но больше ты им не позволишь себя обманывать. Ты сам разобьешь этот идол, который новые друиды хотели воздвигнуть насилием.

После этой первой церемонии, которая заканчивается простым и радостным песнопением, слышится бой барабанов, и звуки труб наполняют воздух. Народ располагается в определенном порядке и шествие начинается. Впереди двигаются две колонны; мужчины с одной, женщины с другой стороны идут двумя параллельными рядами. Отряд подростков движется в прежнем порядке. Порядок шествия секции определяется буквами алфавита. Среди народа показываются его представители, они окружены Детством с фиалками, Отрочеством с миртами, Возмужалостью с дубовыми ветками и беловолосою Старостью, с виноградными и оливковыми ветками, у каждого представителя в руках букет из колосьев ржи, цветов и фруктов: это - символ той миссии, которая ему дана. Эту миссию он исполнит, несмотря на все препятствия, встречающиеся на его пути. Среди народных представителей четыре сильных быка, украшенных фестонами и гирляндами, тащат колесницу, в которой блесит трофей, составленный из инструментов искусств и ремесел и из продуктов, французской территории. «Вы, живущие в роскоши и изнеженности, вы, чье существование есть не что иное, как тяжелый сон, может быть, вы бросите презрительный взгляд на эти полезные орудия. О, бегите, бегите далеко от нас, ваши испорченные души неспособны просто наслаждаться природой. А ты, народ чувствительный и трудящийся, наслаждайся своим торжеством и своей славой, презирай низкие сокровища твоих малодушных врагов, а главное - не забывай, что герои и благодетели человечества умели вести плуг той же рукой, которой они побеждали королей и их приспешников».

После того, как шествие украсило цветами и дарами статую Свободы, оно прибывает на *champ de la Reunion*⁴). «О, чистые души и добродетельные сердца, здесь вас ждет восхитительная сцена, здесь свобода приготовила вам самые лучшие наслаждения». Громадная гора делается алтарем отечества; на ее вершине возвышается Дерево Свободы; народные представители бросаются под покров его ветвей; отцы со своими сыновьями группируются на предназначенной для них части горы; матери со своими дочерьми располагаются по другую сторону; благодаря своей плодовитости и добродетелям своих мужей занимают они это почетное место. Глубокая тишина царит повсюду; слышатся трогательные аккорды гармоничной музыки. Отцы с сыновьями поют первую строфу; все вместе они клянутся положить оружие только тогда, когда они уничтожат всех врагов республики; весь народ повторяет последние строки. Дочери и матери с глазами, устремленными на небесный свод, поют вторую строфу; одни обещают выйти замуж только за тех, которые послужили родине, другие гордятся своей плодовитостью; «наши дети, говорят они, очистивши землю от тиранов, вернутся исполнить дорогой их сердцу долг, они закроют глаза тем, от которых получили жизнь». Весь народ повторяет выражение этих возвышенных чувств, внушенных священной любовью к добродетели. Третья и последняя строфа поется всем народом.

Все зашевелилось на горе: мужчины, женщины, девушки, старики, дети наполняют воздух своими голосами. Здесь матери прижимают к груди своих детей, которых они кормят, там поднимают вверх мальчика слишком еще маленького, чтобы сопровождать отца, и преподносят его, как дар Творцу Природы; молодые девушки бросают вверх принесенные с собой цветы, это их единственная собственность в столь нежном возрасте. В то же время сыновья, охваченные воинственным пылом, обнажают свои сабли и передают их в руки своих старых отцов; они клянутся быть везде победителями, они клянутся, что заставят свободу и равенство торжествовать над угнетением тиранов. Разделяя энтузиазм своих сыновей, восхищенные старики лобызуют их и дают им свое родительское благословение.

Оглушительный залп артиллерии, символизирующий собой народное возмездие, возбуждает мужество в республиканцах: он им возвещает, что день Славы настал. Мужественная и воинственная песнь, предвестница победы, отвечает на грохот пушек. Все чувства французов выражаются в дружеском объятии: они соединили свои голоса, и один общий крик: «Да здравствует республика!» поднимается к Божеству».

Комитетом Общественного Спасения была поручена Исполнительной Комиссии Народного Просвещения организация национальных праздников. 26 флореаля особым распоряжением этой Комиссии была поручена организация праздника Верховного Существа. Вот это распоряжение.

«Комитет Общественного Спасения постановляет, что Комиссии Народного Просвещения надлежит принять все необходимые меры, чтобы привести в исполнение декрет о национальном празднике 20-го прериала. Гражданин Юбер⁵⁾ будет руководить исполнением программы праздника; все расходы для этого праздника подобно другим общественным расходам, порученным Комиссии, будут покрыты из сумм, находящихся в ее распоряжении»⁶⁾.

Исполнительная Комиссия Народного Просвещения выпустила в половине прериала подробную программу праздника под следующим заглавием: «Detail des ceremonies et de l'ordre a observer dans la Fete a l'Etre Supreme»⁷⁾. Нам кажется не лишним привести здесь этот документ:

«Подробности церемонии и какой порядок надо соблюдать во время праздника Верховного Существа, назначенную на 20-е прериала, согласно декрету 18-го флореаля второю года Республики единой и нераздельной. Напечатано по приказанию Конвента.

Ровно в 5 часов утра будет сделан общий призыв во всем Париже. Этим призывом все граждане и гражданки приглашаются немедленно приняться за украшение своих домов дорогими нам цветами свободы, либо повесивши новые флаги, либо украсивши прежние гирляндами зелени и цветов. Затем каждый из них отправляется к сборному пункту своей секции и там будет ждать сигнала к отправлению. Все мужчины должны быть без оружия, за исключением подростков от 14 до 18 лет, вооруженных саблями, ружьями и пиками. Эти подростки образуют в каждой секции отдельный батальон по 12 человек в ряд; среди них будут находиться знамена и значки вооруженной силы этой секции, носимой теми, кому это обычно бывает поручено. Все граждане и мальчики будут держать в руках по дубовой ветке. Все гражданки, матери и дочери, должны украсить себя цветами свободы; матери будут иметь в руках букеты цветов, молодые девушки будут нести корзинки с цветами. - Каждая секция выберет из своей среды 10 стариков, 10 матерей семейств, 10 молодых девушек от 15 до 20 лет, 10 мальчиков-подростков, от 15 до 18 лет и 10 детей мужского пола моложе 8 лет; все эти лица займут места на горе. Десять матерей семейства, выбранные секцией, будут одеты в белое с трехцветной лентой через плечо; десять молодых девушек также будут в белом и с трехцветной лентой, как и их матери; волосы их должны быть убраны цветами. Десять подростков будут вооружены саблями.

Каждая секция изберет себе одного комиссара, который и проведет в назначенное место пятьдесят лиц, избранных секцией, дабы поместить их на горе. Каждой секции будет послано 50 карточек для распределения их между 50 лицами и одна карточка для комиссара. Они должны держать эти карточки на виду. Граждане и гражданки должны позаботиться, чтобы иметь дубовые ветки, букеты, гирлянды, корзины с цветами и чтобы украсить себя цветами свободы.

Ровно в 8 часов утра залп артиллерии на Pont-Neuf возвестил момент отправления в Национальный Сад. Граждане и гражданки отправятся из своих секций в две колонны по 6-ти человек в ряд: мужчины и мальчики справа, женщины, девушки и дети до 8-ми лет слева. Отряд подростков будет находиться в середине между этими двумя колоннами. Секции должны позаботиться, чтобы колонна женщин не оказалась более многочисленной, чем колонна мужчин, дабы не нарушать порядка, столь необходимого в каждом национальном празднике. Командир вооруженной силы каждой секции будет вести эту секцию; капитаны различных полков будут помогать ему и следить, чтобы колонны не нарушали порядка. Командир парижской вооруженной

силы будет давать соответствующие приказания, и следить за их исполнением. Так как Pont-Tournant должен будет служить для выхода этой процессии, то секции могут войти в Национальный Сад только через portes dites des Manege, du Pont-National et du pavillon de l'Unite. По своем прибытии колонны мужчин разместятся в саду и со стороны terrasse dite des Feuillants; колонны женщин и детей разместятся со стороны реки, а отряды подростков в большой центральной аллее. Места, которые должны занять каждая секция, каждая колонна и отряд подростков, будут обозначены особыми столбиками с буквами алфавита и номерами, заранее объявленными каждой секции. Когда все секции придут в Национальный Сад, депутация отправится доложить Конвенту, что все готово для праздника Божества.

Конвент спустится через балкон павильона de l'Unite в амфитеатр, устроенный около этого павильона. Ему будет предшествовать отряд музыкантов, которые разместятся вдоль перил перрона. Председатель Конвента с трибуны даст почувствовать народу побуждения, которые вызвали это празднество, и пригласит его достойным образом почтить Творца Природы. После этой речи будет исполнена симфония; в это время председатель спустится с амфитеатра с факелом истины в руках, он приблизится к монументу, возвышающемуся над бассейном и изображающему собою чудовище Атеизма. Из середины этого монумента, зажженного председателем, покажется Мудрость.

После этой церемонии председатель снова взойдет на трибуну и будет говорить народу, который ответит ему пением и криками восторга.

Бой барабанов возвестит отправление на champ de la Reunion. Шествие будет двигаться в следующем порядке:

- 1) отряд кавалерии, предшествуемый трубачами;
- 2) отряд саперов и пожарных;
- 3) канониры;
- 4) группа из 100 барабанщиков и воспитанники Национального Института;
- 5) 24 секции, идущие двумя колоннами по 6-ти человек в ряд, мужчины справа, женщины и дети слева, отряд подростков между ними; посредине 24-х секции будет идти отряд музыкантов, предназначенный для Северной Армии;
- 6) группа стариков, матерей семейств, детей, молодых девушек и подростков, вооруженных саблями, которые должны поместиться на горе, воздвигнутой на Марсовом поле;
- 7) отряд музыкантов, которые во время шествия исполняют патриотические песни;
- 8) Конвент, окруженный трехцветной лентой, несомой Детством с фиалками, Отрочеством с миртами, Возмужалостью с дубовыми ветками и Старостью с оливковыми ветвями и виноградными листьями. У каждого народного представителя будет в руках букет из колосьев ржи, фруктов и цветов. Среди народных представителей движется колесница, на которой блестит трофей, составленный из инструментов искусств и ремесел и из произведений французской территории; эту колесницу тащат 8 сильных быков, покрытых фестонами и гирляндами;
- 9) группа из 100 барабанщиков;
- 10) 24 секции,двигающиеся в том же порядке, что и 24 первые; среди них находится колесница слепых детей, которые во время шествия исполняют гимн Божеству, слова гражданина Deschamps, музыка гражданина Bruni;
- 11) отряд кавалерии, заканчивающий шествие.

Путь, по которому будет следовать шествие: оно выйдет через Pont-Tournant и обойдет кругом статую Свободы. Затем оно пройдет через pont de la Revolution, вдоль реки, через place des Invalides, avenue de l'Ecole Militaire и придет на Марсово поле. По прибытии на Марсово поле, колонна мужчин разместится справа от горы, а колонна женщин слева от нее. Первый отряд барабанщиков расположится сзади горы, со стороны реки, на том расстоянии, которое ему укажут. Все отряды подростков займут места вокруг горы. Старики и подростки поместятся на горе справа; молодые девушки и матери семейства, ведущие за руку детей от семи до десяти лет), поместятся слева. Народные представители займут самую высокую часть горы, а музыканты разместятся по середине ее. Второй отряд барабанщиков, останется перед горой на обозначенном расстоянии. Как только все будут размещены в вышеозначенном порядке, музыканты одни исполнят гимн Божеству. После этого гимна будет исполнена большая симфония. По окончании ее старики и подростки на горе поют первую строфу на мотив Марсельезы и клянутся не класть оружия, пока не истребят всех врагов Республики... и т. д. (те же подробности исполнения симфонии, как и в вышеприведенной программе Давида). Трубачи будут указывать народу начало каждой строфы и, когда нужно, подхватывать хором припев.

Старики, подростки, матери семейств и молодые девушки, находящиеся на горе, при пении каждой строфы будут руководимы музыкантами. После последней строфы слышится залп артиллерии, знаменующий собой национальное возмездие; все французы, выражая свои чувства в дружеском объятии, заканчивают праздник криками: Да здравствует Республика!..

Порядок, который надо соблюдать при выходе с Марсова поля:

Бой барабанов возвещает отрядам подростков, что они должны присоединиться к своим секциям. Первые 24 секции пойдут по rue Dominique и расстанутся на площади Инвалидов. Члены конвента, предшествуемые музыкой и окруженные всеми теми, кто находился на горе, вернутся в Национальный Дворец, куда будет доставлен трофей искусств и ремесел. Остальные двадцать четыре секции пойдут той же дорогой и расстанутся также на площади Инвалидов.

Мы приводим здесь строфы, которые будут исполняться на горе:

Strophes de M. J. Chenier

Sur l'air des Marseillais

Les vieillards et les adolescents
«Dieu puissant, d'un peuple intrepide

C'est toi qui defends les remparts.

La victoire a d'un vol rapide

Accompagne nos etendards (bis)

Les Alpes et les Pyrenees

Des rois ont vu tomber l'orgueil;

Au Nord nos champs sont le cercueil

De leurs phalanges consternees.

Le choeur

Avant de déposer nos glaives triomphants

Jurons (bis) d'aneantir le crime et les tyrans.

Les femmes

Entends les vierges et les meres,

Auteur de la fecondite.

Nos epoux, nos enfants, nos freres,

Combattent pour la liberte (bis).

Et si quelque main criminelle

Terminait des destins si beaux,

Leurs fils viendront sur des tombeaux

Venger la cendre paternelle.

Le choeur

Avant de déposer nos glaives triomphants

Jurons (bis) d'aneantir le crime et les tyrans.

Les hommes et les femmes

Guerriers, offrez votre courage,

Jeunes filles, offrez des fleurs,

Meres, vieillards, pour votre hommage

Offrez vos fils triomphateurs (bis).

Benissez dans ce jour de gloire

Le fer consacre par leurs mains:

Sur ce fer vengeur des humains

L'Eternel grava la victoire.

Le choeur

Avant de déposer nos glaives triomphants

Jurons

Jurez } d' aneantir le crime et les tyrans».

Кроме этой программы, Исполнительная Комиссия Народного Просвещения издала еще одну инструкцию⁹⁾, которую и распространила вечером 19-го прериала среди секции. Эта инструкция указывала меры, которые надо принять для размещения секций. «Генеральному командиру вооруженной парижской силы будут помогать на празднике 48 батальонных командиров». Сверх того в помощники ему дали еще 50 граждан из якобинского общества и 27 граждан - артистов, имена которых обозначены в этом тексте. «Гражданам Joigny и Fleuriot специально поручены все подробности праздника, и они будут наблюдать за шествием». Некоторые пункты прежней программы были отчасти изменены. Отряд подростков должен идти по 8 человек в ряд, а не по 12-ти. По Давидовской программе каждый народный представитель должен был иметь в руках букет из колосьев ржи и цветов. Instruction particuliere вменяет в обязанность гражданам Joigny и Portalier раздать эти букеты так же, как и строфы членам Конвента во время шествия на Марсово поле.

Другим гражданам было поручено раздавать строфы, корзины с цветами и дубовые ветки членам Национального Института, артистам и хористам, а также и тем группам стариков, матерей семейств, подростков, молодых девушек и детей, который должны были занять места на горе. «Граждан и гражданок, которые не будут

Робеспьер назначил промежуток в 32 дня от 18-го флореаля до 20-го прериаля, между тем декретом, который провозглашал Верховное Существо, и той церемонией, которая основывала новый культ Верховного Существа. «Эта медлительность при реализации понятия, которое между тем являлось, как нечто зрелое и всеми принимаемое, не была только соблюдением своего рода религиозного приличия; она являлась некоторым уважением к общественному мнению, которое Робеспьер не хотел насилловать. В самом деле, основатель новой национальной религии не мог назначить более короткий срок, чтобы подготовить умы и получить от Франции до введения нового культа нечто вроде утвердительного ответа»¹⁰⁾.

Этот ответ не заставил себя ждать. Мы видим, как со всех сторон в Конвент посылаются поздравительные адреса и являются депутации, чтобы поблагодарить Конвент за «великий» (sublime) декрет 18-го флореаля.

Наконец, наступает 20-ое прериаля, великий день основания нового культа Верховного Существа. Как приняла этот культ Франции - этот вопрос был подробно исследован профессором Оларом в его книге «Le culte de la Raison et le culte de l'Être Suprême». Если же мы захотим более подробно ознакомиться с тем, каковы были чувства и впечатления парижан, как был принят этот первый праздник нового культа общественным мнением, то естественно будет обратиться к показаниям современников. Большое значение могут для нас иметь газеты, издававшиеся в то время в Париже; рассказы современников-очевидцев покажут нам лучше, чем что-либо, как именно произошел этот праздник и как отнесся к нему народ. Но отнюдь не следует упускать из виду, что в описываемое нами время власть и влияние Робеспьера были безмерны, и писатели были далеко не вольны говорить все, что им вздумается; трудно было им не придерживаться мнений самого Робеспьера. Не надо забывать его фразу в докладе 18-го флореаля: «Горе тому, кто захотел бы погасить великий огонь энтузиазма!..» Волей-неволей журналисты должны были принять новый культ. И потому во всех газетных рецензиях, отчетах, описаниях мы постоянно встречаем выражения энтузиазма, радости, восторга. Никто не позволяет себе ни малейшей критики; если Перле в издававшейся им газете¹¹⁾ и находит, что праздник мог бы быть лучше организован, то эта критика звучит очень и очень несмело, как мы это увидим дальше.

Но и отдавая должное этому показному, официальному восторгу, мы легко можем допустить, что если среди членов Конвента и были недовольные, как это мы узнаем из разного рода сочинений, появившихся после 9-го термидора, сам народ был искренно доволен и вполне удовлетворен. Церемонии, организованные талантливым Давидом, красивые речи Робеспьера, музыка, пение, все это должно было произвести впечатление на народ, и восторг его был искренен. «Страсть к удовольствиям, столь развитая в 18-ом веке, была лишь слегка подавлена Революцией и, когда господа это позволяли, народ бросался на развлечения с тем большим пылом, чем обычная жизнь была печальнее»¹²⁾.

16-го прериаля Робеспьера выбирают в председатели Конвента; тем самым ему отводится главная роль в празднике 20-го числа. Празднику благоприятствует великолепная погода. Все население Парижа хочет принять в нем участие, стечение народа огромное. Мы видели, что Исполнительная Комиссия Народного Просвещения приняла все необходимые меры, чтобы обеспечить порядок. Все точно соответствовало заранее выработанной программе; никакое замешательство или недоразумение не нарушило величественности зрелища. Все газеты согласны относительно этого пункта.

Мало оригинальности встречаем мы в газетных отчетах того времени. Многие из описаний кажутся нам прямо списанными одно с другого; иногда это буквальная копия, иногда - сокращенное изложение и и парафраза. Мы просмотрим все главнейшие газеты этой эпохи и для начала возьмем «Монитор». Большинство историков пользовалось именно им при своих работах; описание, помещенное в этой газете, хотя и не совсем точное, все же дает довольно правильное представление об общей картине праздника. Мы приводим здесь этот рассказ полностью.

«Из всех празднеств, бывших с начала Революции, ни одно не прошло так стройно, гармонично, с таким братским чувством, как празднество последнего декадного дня. Этот день, посвященный Верховному Существо, представлял собою для добродетельного человека прекраснейшее зрелище великого народа, приближающегося к природе, отождествляющего свои чувства и свои желанья и предлагающего Творцу Природы поклонение, тем более чистое, что оно избавлено от всякого суеверия и внушено только одною любовью к истине и справедливости. Великолепие праздника было в то же время и просто и величественно; все, что природа и искусство могли создать замечательного, все приняло участие в том, чтобы возвестить всем это новое торжество разума.

Все приготовления были сделаны с поспешностью и рвением, которые соответствовали торжественности празднества. В несколько дней на Марсовом поле была воздвигнута гора; громадная статуя появилась в Тюилерийском саду на месте, где раньше был большой бассейн; несколько монументов, исполненных с той быстротой и совершенством, которые может вдохновить только гений свободы, казались как бы спустившимися с неба, чтобы доказать могущество того Существа, которое мы собрались прославлять.

Все дома были украшены атрибутами свободы. Не видно было, чтобы роскошь богачей унижала бедняков. Счастлирое и трогательное однообразие царило во внешнем убранстве жилищ; накануне вечером они все сразу, как по волшебству, были убраны ветвями деревьев, гирляндами, листьями и цветами¹³), которые распространяли по улицам приятный запах и создавали очаровательное зрелище. Трехцветные флаги развевались у всех окон; трехцветные ленты сделались убранством всех женщин. Легче почувствовать, чем выразить свое трогательное и глубокое впечатление от этого невиданного зрелища; природа приложила тут все свои старания.

С зарею весь город был в движении; общий призыв был сделан по всем улицам Парижа. Женщины и мужчины были приглашены явиться на сборные пункты их секций; мужчины были без оружия; лишь одни подростки от 14 до 18 лет были вооружены ружьями, саблями и пиками. Ровно в 8 часов залп артиллерии с Pont-Neuf возвестил, что наступило время отправиться в Национальный Тюильрийский сад. Граждане и гражданки отправились из своих секции двумя колоннами: мужчины и мальчики справа, женщины, девушки и дети слева. Юноши, составлявшие отдельный отряд по 12 человек в ряд, двигались по середине. Матери несли в руках букеты роз, символ грации; у дочерей были корзины с цветами - символ юности. Мужчины и мальчики держали в руках дубовые ветки - символ силы и свободы.

Когда все секции собрались в Тюильри, через pavillon de l'Unite спустились члены Конвента, предшествуемые многочисленными музыкантами, и поместились в амфитеатре, воздвигнутом для праздника Божества¹⁴). Председатель произнес с трибуны речь, в которой он дал почувствовать побуждения, вызвавшие этот праздник, и предложил народу достойным образом почтить Творца Природы»¹⁵).

Первая речь Робеспьера

«Французы республиканцы! Настал наконец этот на веки счастливый день, который французский народ посвящает Верховному Существо. Никогда еще созданный им мир не представлял зрелища более достойного его взгляда. Он видел царство на земле тирании, преступления и обмана; в настоящую минуту он видит, как целая нация, находясь в борьбе с угнетателями рода человеческого, прерывает свои героические труды, чтобы возвыситься своими мыслями и мольбами до Великого Существа, которое возложило на нее задачу предпринять эти работы и дало ей силу их исполнить. Не Оно ли, начертивши своей бессмертной рукой законы равенства и справедливости в сердце человеческого, тем самым вложило в него смертный приговор тиранам? Не Оно ли с начала времен приказало быть республике и постановило обязательным для всех веков и для всех народов свободу, честность и справедливость. Оно создало королей не для того, чтобы они уничтожали род человеческий; Оно создало священников не для того, чтобы впрягать нас, как животных, в колесницу королей и чтобы они давали всему миру пример низости, гордости, лицемерия, скупости, разврата и лжи. Но Оно создало Вселенную, чтобы проявить свое могущество; Оно создало людей, чтобы они взаимно помогали друг другу и путем добродетели достигали счастья. Это Оно поселяет в душе торжествующего угнетателя страх и раскаяние, а в душе невинно угнетенного спокойствие и гордость; это Оно заставляет человека справедливо ненавидеть злодея, а злодея уважать человека справедливого; это Оно увенчало стыдливостью чело красоты, чтобы еще больше его украсить; это Оно заставляет женщину трепетать от нежности и радости материнства; это Оно наполняет сладостными слезами глаза сына, прижимающегося к груди своей матери; это Оно заставляет все страсти замолкать пред великою любовью к родине; это Оно награждает природу всеми чарами, величием и богатством. Все, что есть хорошего, - это Его произведение, или это Оно само. Зло присуще человеку низкому, который угнетает, или позволяет угнетать, себе подобных. Творец природы связал всех смертных великою цепью любви и блаженства. Да погибнут тираны, осмелившиеся ее порвать.

Французы - республиканцы! Это вам надлежит очистить землю, которую они загрязнили, и возвратить справедливость, которую они изгнали. Добродетель и справедливость вместе вышли из лона Божества. Одна не может существовать без другой среди людей. Великодушный народ! хочешь ли ты торжествовать над всеми своими врагами? Пребывай в справедливости и возноси Божеству поклонение, достойное его. Граждане, предадимся сегодня под его покровительством восторгам чистой радости; завтра мы снова будем преследовать пороки и тиранов; мы дадим миру пример республиканской добродетели, этим мы также прославим Божество!»

После этого слышится симфония, долженствующая прославить Бога, который дал порядок и гармонию вселенной. Статуя, изображающая чудовище Атеизма, зажжена рукой председателя; на место ее показывается народу Мудрость во всем своем блеске, Национальный сад оглашается криками восторга. Председатель, сопутствуемый депутацией, снова поднимается на трибуну и произносит вторую речь, часто прерываемую всеобщими криками восторга.

Вторая речь Робеспьера

«Вот оно исчезло во мраке небытия, то чудовище, которое короли хотели утвердить во Франции. Да исчезнут вместе с ним все преступления и несчастья всего мира! Вооружаясь по очереди то кинжалами фанатизма, то ядом атеизма, короли всячески пытаются погубить человечество. Они уже больше не в состоянии посредством суеверия извратить Божество настолько, чтобы присоединить его к своим проступкам; теперь они стараются изгнать его с земли, чтобы царствовать там одним вместе с преступлением. Народ, не бойся больше их кощунственных заговоров: им также не вырвать Мир из лона его Творца, как не вырвать угрызения совести из своей собственной души. Несчастные, поднимите ваши склоненные головы, вы еще можете безнаказанно устремлять ваши глаза к небу. Герои родины, ваше великодушное самопожертвование не есть безумие: если приспешники тиранов могут вас убить, то не в их власти уничтожить вас совсем. Человек, кто бы ты ни был, ты еще можешь связать свое временное существование с Богом и бессмертием. Да будет природа снова иметь свой прежний блеск, а разум свою прежнюю власть! Верховное Существо по-прежнему царит над миром. Наши враги особенно старались изгнать Мудрость из республики. Мудрости надлежит укрепить счастье государства. Она гарантирует нам плоды нашего мужества. Присоединим ее к нашим предприятиям. Будем серьезны и сдержанны в наших совещаниях, как люди, которые управляют интересами всего мира; будем горячи и упорны в нашем гневе против тиранов, неустрашимы в опасностях, терпеливы в наших работах, ужасны при поражении, скромны при успехе. Будем великодушны к добрым, сострадательны к несчастным, неумолимы к злым, справедливы ко всем. Не будем рассчитывать на безоблачное счастье, на беспрепятственное торжество, и на все то, что зависит от случая или от порочности других; будем рассчитывать только на наши добродетели и на наше постоянство. Одиноким, но верным стражам нашей независимости, мы уничтожим союз королей не столько силой наших войск, сколько величием нашего характера. Французы, вы сражаетесь с королями, следовательно, вы достойны почитать Божество. Существо из существ! Творец Природы! Ничтожный раб, поддержка деспотизма, жестокий лицемерный аристократ оскорбляет Тебя, взывая к Тебе. Но защитники свободы могут доверчиво предать себя в твои руки. Верховное Существо! у нас нет неправедных молитв к Тебе, Ты знаешь создания вышедшие из Твоих рук, их потребности также не ускользают от Твоих очей, как и их самые сокровенные мысли. Ненависть к нечестию и тирании горит в наших сердцах вместе с любовью к справедливости и к родине; мы проливаем нашу кровь за все человечество. Вот наша молитва, вот наши жертвы, вот наше поклонение, которое мы тебе возносим!»

После этого народ и его представители отправились на Марсово поле или champ de la Reunion. Члены конвента были окружены трехцветной лентой, несомой Детством, украшенной фиалками, Отрочеством с миртами, Возмужалостью с дубовыми ветками и Старостью с оливковыми ветвями и виноградными листьями. Каждый представитель народа имел в руках букет, составленный из колосьев ржи, цветов и фруктов. Среди народных представителей двигалась античная колесница, на которой блеснул трофей, составленный из орудий и инструментов искусств и из продуктов французской территории. Можно было заметить плуг и сноп ржи; затем инструменты типографии, источники знаний; они находились под сенью дуба, который возвышался около статуи Свободы и показывал, что искусства процветают только под ее властью. Колесница с красной драпировкой, которую везли 8 быков с золочеными рогами, была устроена с большим искусством¹⁶.

Члены Конвента были одеты в новые костюмы, что придавало еще больше величественности зрелищу. Шествие вышло через Pont Tournant и обошло кругом статуи Свободы¹⁷.

По прибытии на Марсово поле, колонна мужчин распространилась справа от горы, колонна женщин слева.

Отряды юношей разместились кругом горы; группа из стариков и подростков поместилась на горе справа, группа молодых девушек и матерей семейств — на горе слева. Члены Конвента заняли самую высокую часть горы, а музыканты поместились по середине ее.

Когда мужчины и женщины расположились согласно выработанному порядку, музыканты исполнили гимн Верховному Существо, со словами которого мы уже познакомили читателя¹⁸).

После этого гимна исполнили большую симфонию: старики и юноши, бывшие на горе, исполнили первую строфу на мотив Марсельезы, давая клятву не класть оружия, пока не уничтожат врагов республики. Все мужчины, находившиеся на Марсовом поле, повторили хором этот припев:

Avant de déposer nos glaves triomphants
Jurons d'aneanter le crime et les tyrans!

Группы женщин и молодых девушек спели несколько других строф; последняя строфа была исполнена всеми находившимися на горе. В то же время молодые девушки бросали вверх цветы, а юноши выхватили свои сабли и клялись повсюду сделать свое оружие победоносным. Старики возложили на их головы свои руки и дали им родительское благословение. Наконец, раздался в воздухе залп артиллерии, символизирующей собой национальное возмездие, и все граждане и гражданки, соединяя свои чувства в братском объятии, закончили праздник, поднимая к небу этот крик гражданственности и человечности: «да здравствует Республика!»

Статуя Мудрости, воздвигнутая в Тюильри, была закрыта ужасным плащом Атеизма. На лбу этого отвратительного идола можно было прочесть следующие слова: «*Единственная надежда иностранцев*». У ног его написано было его имя: «*Атеизм*». Факел разума уничтожил это чудовище, а на его месте появилась Мудрость, указывая перстом местопребывание Верховного Существа.

Гора, устроенная по середине Марсова поля, особенно привлекала внимание зрителей: там были скалы, утесы и терновники, как в природе¹⁹). В один миг она была покрыта с низу до верху, в ложбинах и по всей поверхности бесконечным количеством граждан и гражданок всех возрастов, военными трофеями, знаменами, пиками, всевозможным оружием, музыкантами. Члены Конвента, находившиеся на самой вершине, приковывали к себе все взгляды. Тысячи раз повторяемые крики: «да здравствует Республика!» «да здравствует гора!» «да здравствуют наши представители!» - слышались со всех сторон²⁰).

Красота дня, свежесть убранства, искренняя радость народа, единодушные чувства, все речи граждан, наконец, сердечность и порядок, царившие в продолжение всей церемонии, все это создало самый прекрасный праздник, который только мог быть записан в летописи Республики («*Moniteur*», reimpression, т. XX, номер от 25-го прериала).

Мы видим что «Монитор» очень близко придерживался плана Давида и «*Detail des ceremonies*»; подчас это описание является прямо парафразой этих двух брошюр. При чтении не является впечатление, что автор его лично присутствовал на празднике. Впрочем, то же замечание приходит на ум и при чтении многих других газетных отчетов.

Мы пополним описание «Монитора» подробностями, извлеченными из других газет, но сначала объясним, что надо понимать под «новыми костюмами народных представителей», о которых говорят, как «Монитор», так и многие другие газеты.

17-го прериала *Varrege* представил Конвенту доклад о форме одежды для народных представителей. Художникам поручено нарисовать и отгравировать различные костюмы, штатские и военные, для всех должностей и для всех родов оружия. Пока же следует определить форму одежды для праздника 20-го прериала. «Комитет Общественного Спасения предлагает вам постановить, что члены Конвента будут присутствовать на празднике Верховного Существа 20-го прериала в костюмах народных представителей при армиях или департаментах, т.-е. каков бы ни был цвет одежды, они должны иметь султан при шляпе и трехцветный пояс; сабля не нужна при невоенной службе»²¹). Это предложение было принято.

Мы видим, что по «*Detail des ceremonies*» во время шествия среди секции должна была двигаться «колесница со слепыми детьми, которые исполняют гимн Божеству, слова гражданина Deschamps, музыка гражданина Bruni». «Монитор» ничего не говорит про эту колесницу, но в «*Mercure Universel*»²²) мы находим следующее указание: «посреди секций можно было видеть колесницу со слепыми детьми, которые во время шествия пели гимн Божеству». Тот же самый факт замечают и другие газеты: «*Courrier republicain*»²³), «*Auditeur national*»²⁴), «*Decade philosophique*»²⁵). Последняя газета подробно рассказывает об этом факте: «просто убранная колесница следовала за членами Конвента, на ней находились слепые. Сбоку читалась простая и трогательная надпись: «*Французская Республика почитает несчастье*». Многие газеты, как, например, «*L'Abreviator Universel*»²⁶), «*Courrier de l'Egalite*»²⁷), «*Le Conservator*»²⁸) напечатали гимн «Верховному Существо», слова гражданина Deschamps, музыка гражданина Bruni. Ниже мы помещаем этот гимн, взятый из «*Journal des debats et des decrets*»²⁹). Профессор Олар в своей книге «*Le culte de la Raison et le culte de l'Etre supreme*» говорит в примечании к стр. 320: «достоверно неизвестно, был ли этот гимн исполнен». Между тем раз его предвидели организаторы праздника и раз мы имеем свидетельства четырех газет об исполнении его, мы не можем не признать достоверности данного факта.

Hymne a l'Etre Supreme

Paroles du citoyen Deschamps, musique du citoyen Bruni

O Dieu puissant, invisible a nos yeux,
Mais qu'en tes oeuvres l'on contemple!
O toi, dont l'espace est le temple,
Qui dans ta main tiens la terre et les cieux!
Vers toi dont il a recu l'etre
Le Francais eleve sa voix;
S'il a rougi d'obeir a des rois,
Il est fier de t'avoir pour maître.
Recois de nous, pour culte et pour autels
Nos coeurs tout remplis de toi-meme.
Au sein de ta grandeur supreme
D'un oeil egal tu vois tons les mortels:
Mais nous suivrons ta loi premiere,
Et nous serons tes vrais enfants,
Si nous t'offrons des vertus pour encens
Et des actions pour priere.
Ou sont ils ceux, qui t'osaient menacer,
Qui sous le manteau du civisme
Vils professeurs de l'Atheisme,
Du coeur de l'homme esperaient t'effacer?
C'est a l'instant de leurs naufrages
Qu'ils ont vu dans tous les esprits
Leurs noms voues a d'eternels mepris,
Le tien a d'eternels hommages.
Pensaient-ils donc, lorsqu'il n'est plus d'erreur
Qu'on croirait a leur imposture,
Qu'en revenant a la nature,
De la nature on oublierait l'auteur?
Tandis que chacun s'aime en frere,
C'est Dieu seul qu'on rejeterait!
Tous en famille on se reunirait
Pour en meconnaître le pere!
Quand donc jamais des prodiges plus grands
Ont ils signale ta puissance?
N'as tu pas delivre la France
D'un joug antique et de ses vils tyrans?
Dbre deteste;
Tu l'as proscrit... et de la liberte
C'est l'arbre qui croît a sa place.
Lorsque vingt rois pour nous perdre aujourd
Unissent le fer et l'intrigue,
Contre leur detestable ligue,
Que de bienfaits nous prouvent ton appui!
Tu couvres nos armes de gloire
Et nos champs de riches moissons...
Tu fais pour nous combattre les saisons,
Et la nature et la victoire.
Nous ne voulons que defendre nos droits;
Soutiens une cause si juste,
Protege ce Senat auguste,
L'appui de l'homme et la terreur des rois!
Que tous les peuples de la terre
Reconnaissent leur longue erreur,
Au lieu d'avoir le Francais pour vainqueur,
S'empresent de l'avoir pour frere!

Точно так же «Монитор» ничего не говорит про надписи на склонах горы на Марсовом поле. В «Republicain français»³⁰⁾ мы находим эти надписи; другие газеты приводят только некоторые из них, или не приводят совсем. Эти надписи, большая часть которых взята из доклада Робеспьера от 18-го флореаля, составлены согласно его понятиям. Мы не знаем, кому поручила Исполнительная Комиссия составить эти надписи. Одна фраза этого доклада была изменена; может быть, с намерением? - спрашивает Guillaume³¹⁾. Робеспьер сказал в своем докладе: «Оставим священников, вернемся к Божеству», а на горе написано: «Оставим священников, вернемся к Истине».

ПРАЗДНИК ВЕРХОВНОГО СУЩЕСТВА

Надписи на перистили, воздвигнутом в Национальном Саду

Французский народ признает существование Верховного Существа и бессмертие души. - Будь настолько чист, чтобы желать, чтобы был Бог, ты его найдешь в своем сердце. - Почитать Божество и карать королей - это одно и то же. - Божество осудило тиранов: французский народ привел в исполнение его приговор.

Надписи на горе, воздвигнутой на Марсовом поле

Революция есть дочь неба. - Только справедливость делает людей равными между собой. - Бог природы не есть Бог священников. - Народ, чтобы повелевать над победой и над счастьем, откажись от всех пороков тирании. - Всякая партия непременно желает зла в раз основанной республике. - И они смели взывать к разуму, те чудовища, которые направляли против нас свои кощунственные кинжалы! - Оставим священников и вернемся к Истине. - Народ, недостаточно еще уничтожить королей, если ты не умеешь уважать добродетели. - Честность есть та власть, которая не боится никаких покушений. - Будем остерегаться даже опьянения успехом, будем ужасны при поражениях, скромны при нашем торжестве, и тогда мы упрочим в своей среде мир и счастье. - Гарантия свободному правительству заключается в справедливости и добродетели народа. - Французенки, любите свободу, купленную ценой крови ваших братьев, ваших друзей, ваших супругов; пользуйтесь тою властью, которая вам дана природою, чтобы распространить республиканские добродетели, и вы будете достойны любви благодетелей человечества. - Добродетель на эшафоте заставляет бледнеть тирана на триумфальной колеснице. - Была ли бы у нее подобная власть, если бы могила сравнивала угнетателя и угнетенного. - Вы, которые оплакиваете добродетельного друга, вам сладостно думать, что лучшая часть его избегла смерти. - Добродетели нельзя подражать, но каждый бывает добродетелен по-своему. - Истинный священник Верховного Существа - это природа; Его храм - вселенная; Его культ - истина, Его праздники - радости народа, собравшегося, чтобы укрепить сладкие узы братства и вынести смертный приговор тиранам. - Все, что полезно миру и хорошо на практике - есть истина. - Свобода есть царство справедливости. - Французский народ голосует за свободу всего мира. - Кораблю, который несет судьбу республики не суждено погибнуть, он плывет под охраной Верховного Существа»,

Надпись на Дереве Свободы

«Будьте столь великодушны, чтобы сохранить меня: ваши дети воспользуются моими плодами и благословят вас под моею тенью»³²⁾.

Газета «Feuille de la Republique»³³⁾ в своем номере от 22-го прериаля рассказывает нам один очень любопытный факт. «На пути прохождения шествия можно было видеть две группы инвалидов при входе в их убежище, и над этими живыми трофеями героизма виднелась следующая возвышенная надпись: *Для того, чтобы утвердить свободу и нравственность, нужны ли остатки нашей крови? говорите, народные представители, она готова пролиться*». Об этом же факте говорит и «Republicain français»³⁴⁾ от 25-го прериаля. Каким же образом случилось, что все остальные газеты умолчали об этом, как-никак, все же очень интересном явлении? Из двух названных газет «Feuille de la Republique» появилась раньше, чем «Republicain français». Если сравнить эти два рассказа, то можно заметить, что второй есть сокращенное изложение первого, более подробного и более красноречивого. Очень возможно, что эти группы инвалидов существовали только в воображении автора рассказа в «Feuille de la Republique». Но мы имеем другое очень важное свидетельство: Boissy d'Anglas в качестве, члена Конвента, лично присутствовавший на празднике, говорит, между прочим, следующее в своей брошюре «Essai sur les fetes nationales»³⁵⁾, появившейся 12-го мессидора. - «Не могу обойти молчанием трогательное зрелище, представившееся нам во время шествия около убежища для инвалидов: старые солдаты, которых содержит благодарная родина, собрались на нашем пути; простая патриотическая надпись, находившаяся перед скамьями, где они сидели, выражала их благодарность и воинский пыл, которым они были еще охвачены. При виде членов Конвента, они встали и, поднимая руки к небу, поклялись все сразу умереть за свободу, если она нуждается в их поддержке. Благоговейное чувство заставило народных представителей остановиться перед этими старцами, покрытыми почетными ранами, чтобы принять их клятву, а главное - чтобы оказать уважение их старости. Музыканты, предшествовавшие нам, исполнили некоторые воинственные песни, и глаза этих храбрецов, казалось мне, заблестали огнем, когда воздух наполнился звуками, напоминавшими им их прежнюю славу». Судя по этому описанию, надо допустить, что автор говорит на основании личного впечатления, а не со слов газет. - Организаторы праздника, по-видимому, не предвидели эти группы; надо предположить, что инвалиды по собственному побуждению устроили эту патриотическую манифестацию.

«Mercure Universel»³⁶) напечатал в своем номере от 22-го прериаля длинейшее описание этого праздника, которое есть не что иное, как точное воспроизведение программы Давида и длинных пассажей из «Detail des ceremonies» и «Instruction particuliere». Между тем, ряд мелких подробностей, относительно колесницы со слепыми детьми, и некоторый другие, вышеприведенные в примечаниях к описанию «Монитора», дают нам возможность заключить, что автор лично присутствовал на празднике; если же он, будучи очевидцем всех церемоний этого праздника и желая дать подробное и добросовестное описание его, ничего лучше не придумал, как воспользоваться официальными документами, это показывает нам, до какой степени все соответствовало заранее выработанным предписаниям.

«Journal de la Montagne»³⁷) судит праздник с политической точки зрения; «общественное настроение Парижа в последний декадный день проявилось в высшей степени удовлетворительным и энергичным образом. Этот день, посвященный Верховному Существо, без сомнения, останется самым лучшим днем в жизни добродетельного человека; с постоянно новым интересом и живым волнением будет он его вспоминать. - Свежесть украшений, великолепие дня, искренняя радость народа, тысячи раз повторенные крики: да здравствует Республика! - да здравствует Гора! да здравствуют наши представители! все это красноречивым и грозным образом дало понять аристократам, что наконец-то настал их последний час и что они навсегда должны бежать из города, где весь народ, единогласно провозглашая существование Божества, бессмертие души и смерть тиранам, тем самым не оставляет негодьям, изменникам и заговорщикам никакой надежды на возможность избежать его карающей и непреклонной справедливости».

Две другие газеты: «Les annals politiques et litteraires»³⁸) и «l'Auditeur National»³⁹) выясняют, чем праздник 20-го прериаля превосходит все предыдущее. В «Annals» мы читаем: «Великолепная погода и громадная толпа всех жителей большого города, собравшаяся, чтобы воздать поклонение Творцу природы, придавала этому празднику величественный характер, который противоречил смешным и мелочным процессиям прежнего времени, когда каждый приход нес своего собственного святого, свою реликвию и свою хоругвь». - А «Auditeur» говорит: «Праздники деспотов служили только для того, чтобы отвлекать народ от сознания его нищеты, между тем, как праздники свободы призывают народ к сознанию своего достоинства, своего истинного величия, через то представление о своем могуществе, которое ему дает внушительное зрелище своего собрания».

Каково было отношение народа? «Republicain francais»⁴⁰) говорит: «Народные представители при своем прохождении получали благословения присутствующих». «Annales de 1a Republique francaise»⁴¹): все зрители энергично и трогательно благословляли народных представителей, столь достойных нашей любви и нашей благодарности за их рвение об общественном счастье, и Творца Природы, которому мы обязаны нашей святой свободой». Третья газета «Sans-Culotte»⁴²) выражается так: «нам невозможно описать всеобщий энтузиазм... Мы видели стариков, проливающих слезы умиления и радости и признающихся, что это самый счастливый момент в их жизни... Горе человеку пресыщенному, низкому эгоисту, который мог сухими, бесчувственными глазами наблюдать это восхитительное зрелище братского народа, воздающего поклонение Предвечному».

Вид горы на Марсовом поли больше всего произвел впечатления на зрителей. «Feuille de la Republique»⁴³) говорит о ней в возвышенном стиле Давида, который, впрочем, был стилем этого века. «Кто сможет описать эту величественную гору, вершина коей была занята членами Конвента, которые, будучи главными орудиями божественного могущества, должны были быть поближе к небу; а внизу находилась пылкая юность, которая с оружием в руках умоляла небеса даровать ей силу испробовать его, матери семейств, приносявшие детей, как дань Божеству, между тем, как молодые девушки, в счастливом возрасте красоты, примешивали к облакам ладана тучи цветов посреди благословений добродетельных патриархов, призывавших славу и преуспевание Франции на окружавшие их поколения. Согласный хор молитв и хвалебных песнопений наполнял воздух. Все эти голоса, все эти движения составляли одно целое - поклонение Верховному Существо, которое ответило на него, приказав победе сохранить Ему навсегда народ, который умеет Его так почитать. - Пусть древность молчит о своих истмийских и олимпийских играх и об этих блестящих теориях Греции, столь прославляемых, потому что удаление в пространстве умаляет предметы, а удаление во времени увеличивает их. Эти народы были идолопоклонниками, они были рабами жрецов; все национальности Греции составили бы вместе один департамент Франции и никоим образом не могут быть с нею сравниваемы. Они были свободны через свои политические учреждения, а их религиозные учреждения присуждали их к неведению республиканской религии».

Нам кажется необходимым привести здесь также описание, помещенное в «Journal de Perlet», одной из наиболее интересных газет того времени. Этот весьма красноречивый рассказ лишней раз покажет нам, что впечатления современников были весьма благоприятны для нового культа и его учредителя. - Мы выпускаем уже известные подробности.

«Праздник Верховного Существа прошел третьего дня с такой пышностью и таким великолепием, которые затмили все бывшее до тех пор. Гений Давида руководил всем, и все было проникнуто тем строгим классическим духом, который характеризует его. Порядок был нарушаем почти во всех наших прежних празднествах; смута и путаница сильно вредили величию зрелища, которое представляет собою собравшийся народ. Но здесь заранее выработанная программа, приведенная нами, была в точности исполнена, и мы не будем повторять эти подробности. Толпа была громадна; весь Париж сбежался в Тюильри и на Марсово поле. Этот народ предоставленный своему собственному благоразумию, сам для себя играл роль полиции и двигался, так сказать, сосредоточившись на мысли об этом Великом Существо, которому он воздает поклонение...

Улицы превратились в обширный цветник, гирлянды и фестоны из цветов испускали благоухание; приятный запах дубовых листьев, которыми были убраны окна, носился в воздухе.

Около 10 часов⁴⁴⁾ члены Конвента, посреди громких приветствий народа заняли место в воздвигнутом для них амфитреатре. Никогда еще картина не являлась более внушительной. Вид этих людей, своими декретами подготовляющих счастье великой нации и заставляющих дрожать от страха Европу, собравшихся здесь для поклонения Верховному Существо; новые костюмы отличавшие их и приковывавшие к себе все взгляды; этот храм зелени, окружавший их; эта громадная толпа, видевшая в них своих друзей, своих спасителей и дававшая им доказательства своей любви; звуки воинственной и блестящей музыки в связи с поэзией - все это наполняло душу ощущением, которое невозможно передать. - Это был очень подходящий момент для красноречия. Робеспьер, председательствовавший в Конвенте, счастливо воспользовался им. Он возобновил чудеса римского красноречия, которые мы с трудом можем постигнуть. Он показал нам, какое влияние может иметь на открытом воздухе оратор на толпящийся, чтобы его услышать, народ. Его голос, не очень сильный от природы и еще ослабленный его последнею болезнью⁴⁵⁾, раздавался почти до середины Тюильрийского сада и много раз вызывал восторг; его жесты были выразительны, его движения оживленны; он напоминал Цицерона на трибуне, благодарящего богов за спасение Рима от неистовства Катилины и его союзников». Вторая речь Робеспьера, «это - красноречивое воззвание к справедливости, мужеству, к ненависти к тиранам, воззвание ко всем добродетелям и к Верховному Существо».

«Около 6-ти часов залп артиллерии возвестил, что праздник окончен. Тогда весь народ предался братским объятиям; остаток вечера прошел в пении патриотических песен, в танцах и в тех внешних проявлениях радости, который так необходимы для француза, когда он доволен. Посреди *champ de 1a Reunion* находился род храма⁴⁶⁾, воздвигнутого в память наших братьев, погибших в битвах за родину. Можно было бы придать еще больший блеск празднику произнесением с высоты этого храма похвального слова погибшим. Было бы так прекрасно, если бы председатель Конвента от имени Франции воздал им должный почет и благодарность отечества. Так именно поступал Перикл на афинских публичных празднествах, бросая цветы на могилы воинов, павших при Фермопилах, Саламине и Марафоне. Здесь оратор был еще более достоин прославить добродетель, а герои не менее других заслужили награду».

Восторженные отзывы Перле о красноречии Робеспьера разделяются и другими журналистами. Мы читаем в «*Journal de Paris national*»⁴⁷⁾: «Главной целью всех тех, кто явился в Тюильри было - услышать речи Робеспьера; поэтому сохранялась такая строжайшая тишина, внимание было такое напряженное и оратор вложил так много таланта в произнесение своих речей, что, несмотря на громадное пространство и на открытый воздух, слова его были слышны везде; они произвели такое сильное впечатление, которое только мог пожелать себе оратор. Часто его прерывали громкие аплодисменты». А «*Correspondance politique de Paris et des departements*»⁴⁸⁾ рассказывает следующее: «Звуки нежной и вместе с тем гордой музыки вызывают тишину и дают Робеспьеру возможность произнести великолепную речь. Его слышат издали, до такой степени сила обстоятельств возвышает его голос, до такой степени волнение благородной страсти усиливает и укрепляет физические средства человека».

Нельзя обойти молчанием и такой важный для этой эпохи журнал, как «*Decade philosophique*»; здесь тоже напечатано описание праздника, начинающееся с восхваления декрета 18-го флореаля. Затем автор хочет описать этот праздник с точки зрения философа и художника.

«Какое великолепное зрелище представляло собою утро 20-го прериала, когда окна и двери каждого жилища украсились цветами и дубовыми ветками. Богатые ткани и ковры, которыми прежде украшались дома, ничего не стоят в глазах чувствительного человека, в глазах философа в сравнении с этим простым, свежим, веселым убранством, для которого постаралась сама природа...

Каждая секция в определенном порядке явилась в Национальный сад, и это обширное пространство скоро наполнилось громадной толпой, которая пела и плясала под сенью древних деревьев, так часто бывавших свидетелями печальных развлечений, предписываемых деспотами каждый раз, как появлялось на свет маленькое чудовище их породы. Какая разница! в глазах у всех здесь сияла чистая и искренняя радость. Никуда негодная система атеизма не могла набрать себе много приверженцев. Когда, в прежние времена, ее захотели силою утвердить, смущенный деист мог

найти себе спасение только в молчании; но в тот день, когда провозгласили Верховное Существо, во всех сердцах, по-видимому, открыт был доступ надежде. Народ имел вид семьи, которой вернули отца, утешителя, опору...»

О речах Робеспьера автор отзывался так: «председатель обратился к народу с речью, полной здравых и сильных мыслей». Вторая речь была «скорее гимн в прозе, полный энтузиазма и патриотизма». «Таким образом закончился праздник, подобного которому мы не видали ни у одного народа; праздник, учрежденный философией не в честь нелепых богов, не в честь атрибутов, символизирующих собою божескую сущность, но в честь самого Творца Природы, причины причин, Существа вечного, незыблемого, бесконечного... Мы помещаем здесь речи председателя Конвента и исполненные гимны. Это памятники одного из прекраснейших дней, которыми может гордиться французский народ и которые история должна сохранить для потомства. Если оды Пиндара, в честь простых победителей олимпийских игр, сохранились до наших дней, то будем надеяться, что наши патриотические песни, наши гимны, имеющие более благородное содержание, дойдут до самого отдаленного потомства». Следуют две речи Робеспьера, гимн «Верховному Существо» сочинения Т. Н. (sic) Desorgues'a музыка Gossec'a, исполненный на эстраде Национального дворца после речи Робеспьера, и гимн «Верховному Существо» сочинение Deschamps, муз. Bruni, исполненный во время шествия⁴⁹).

Наряду с газетными отчетами мы имеем еще одно свидетельство современника и очевидца, а именно - Boissy d'Anglas. В своей брошюре «Essai sur les fetes nationales» он рассказывает нам свои впечатления от праздника 20-го прериала. Эта брошюра появилась, как мы уже указывали, 12-го мессидора. В высшей степени любопытен для нас этот документ; до сих пор мы видели радости и умиление простого народа, теперь мы слышим голос строгого литератора, члена многих ученых и литературных обществ, будущего академика.

«Я думаю, что невозможно будет вспомнить без умиления этот навсегда знаменитый праздник, как невозможно было без волнения присутствовать на нем. С трудом смогу я передать картину, которую представлял собою Национальный сад; этот бесчисленный народ, собравшийся, чтобы с великой простотой почтить благодетельного Творца природы; глубочайшее благоговение, святое уважение и благочестивая сосредоточенность, казалось, внушали все мысли и руководили всеми движениями; сам народ был величественен и достоин той священной обязанности, которую на него возлагали, и его спокойствие было подобно спокойствию природы. Бодрая и трогательная музыка, пение гимнов, впечатления от поэзии и искусств, философские мысли, возвеличенные красноречием председателя, - все это возвышало и умиляло душу.

Я сравнивал этот священный культ со всеми пустыми, а иногда и ужасными обрядами, которые внушило людям суеверие, и я благословлял мудрость тех, кто вернул разуму и гуманности власть, которой они никогда не должны были бы лишаться.

Некоторые пункты этого памятного торжества достойны быть отмеченными в очерке, имеющем своим предметом национальные праздники. Так, например, это была великолепная идея поместить на пышной колеснице, которая двигалась среди народных представителей, атрибуты земледелия и искусств, служащие одновременно знаками и залогом преуспеваний нации, результатом цивилизации и единением общества. Но раз я хочу дать отчет о том, что меня поразило, я должен сказать, что мне было очень неприятно видеть, как курился ладан на Марсовом поле, вокруг той горы, на которой находились старики, молодые девушки и народные представители. К чему этот глупый обряд, заимствованный от несуществующих более религий? Он ничего не прибавил к пышности церемонии, ведь не думают же, я полагаю, что можно почтить Божество, воскуря фимиам. Поклонение, воздаваемое Ему, должно быть чисто духовным; это гораздо важнее, чем может показаться, воспрепятствовать, чтобы никакая бесполезная церемония не прибавлялась к нему; от дыма ладана не так далеко до дыма жертвоприношений и до всех других химер, созданных заблуждением и суеверием. Должен еще сказать, что меня мало удовлетворила эта аллегорическая пантомима, сожжение Атеизма и появление Мудрости; помимо того, что она была скверно исполнена, нельзя не почувствовать, что подобные фикции не могут не показаться холодными и ничтожными рядом с величием, окружавшего их зрелища. Собрание всего народа, помощь всех искусств, чтобы выразить его чувства, песни, гимны, прекрасные стихи, - вот, что должно составлять праздники, вот, что их делает величественными и трогательными; танцы, игры, военные упражнения, - вот, что может их еще больше украсить; мудрые, нравственные речи, где соединяются философия и красноречие, и для просвещения людей - драматические представления, где волнение и удовольствие сопровождают добродетель, вот, что должно направлять праздники к полезной политической цели. Но изгоните из них все, что может ослабить их достоинство и сгладить их влияние. Когда, например, на празднике 10-го августа все атрибуты королевской власти, все знаки дворянства и феодализма, все игрушки гордости были уничтожены огнем в присутствии членов Конвента, «то была не аллегория, но великий акт национальной справедливости, великий пример, даваемый всем нациям на земле, великая и священная церемония, предмет которой было нечто реальное, которая сама являлась следствием принятого народом правительства; и насколько эта церемония в этом ее виде была внушительна и великолепна, настолько была бы она ничтожна, если бы она не была реальна, если бы тут было примешано присутствие какого-нибудь аллегорического морального существа»⁵⁰).

Выше, на страниц 23-ей, Boissy d'Anglas, по поводу доклада Робеспьера от 18-го флореаля, говорит: «Робеспьер, говорящей о Верховном Существе самому просвещенному народу в мире, напоминал мне Орфея, знакомящего людей с принципами цивилизации и нравственности».

Красноречие Робеспьера провозгласил также большое впечатление на Конвента, который написал эту речь, поздравляя с прекрасными речами на празднике 20-го прериала⁵¹).

Sylvain Marechal, «человек без Бога» (l'homme sans Dieu), как он любил себя называть, хорошо известный своими атеистическими сочинениями, тоже оставил нам описание праздника Верховногоущества в своем альманахе «Tableau historique des evenements revolutionnaires redigee principalement pour les campagnes». Под месяцем прериалем написано:

«Если когда-нибудь какая-либо нация заслуживала благословение природы, то это, без сомнения, тот народ, который поднимает к ней руки, полные добродетели (les mains pleines de vertus). Патриоты деревень, на празднике этого месяца произведения, которыми Республика обязана вашему труду, составляли лучшее украшение колесницы Свободы; все орудия земледелия окружали ее. Вечно зеленый дуб, снопы ржи, которую уже позолотили лучи солнца, были украшением единственного Божества, достойного человеческой любви. 8 быков, эмблема силы Республики, везли эту, поистине, триумфальную колесницу среди представителей первой могущественной державы на земле. Бог свободных людей, который не есть Бог священников, улыбался сквозь солнечный диск этому торжеству: в первый раз Ему воздавали поклонение, достойное Его. О, сколь прекрасна та религия, где священники - отцы семейств, трудолюбивые супруги, честные и милые девушки, мальчики, нетрепливо ждущие, когда они сделаются взрослыми людьми. Сколь велик этот культ, в котором храмом служит свод небес, факелом - солнце, алтарем - Святая гора, жертвами - цветы и фрукты, священным песнопением - крик «жить свободными или умереть!» Вместо плоских сентенций, которые, зевая, читали на стенах церкви, с какой жадностью народ записывал, чтобы навсегда их запомнить, надписи, рассеянные то здесь, то там по склонам горы: «Одна лишь свобода делает людей равными» и т. д.

«Патриоты деревень! проникнитесь хорошенько этими истинами, результатом опытности и размышления. Думайте о них, отправляясь на ваши работы или в ваши путешествия, начертите их в нужной памяти ваших детей, напишите их на пороге ваших амбаров, везде, ибо нужно, чтобы Республика всегда была перед вашими глазами и постоянно говорила вашему сердцу. Спишите и поместите на дереве Свободы ваших деревень трогательные слова, которые мы прочли на дубе, служившем покровом горе Конвента: «Будьте настолько великодушны, чтобы сохранить меня, ваши дети воспользуются моими плодами и благословят вас под моею тенью». Ибо, без сомнения, мы больше работаем для нашего потомства, чем для нас самих. Революция не представляет собою розу без шипов; но отцы оставят только цветок своим детям»⁵²).

До сих пор мы видели, что газетные отчеты, одни более, другие менее подробные, были все согласны относительно различных церемоний праздника. Относительно одного пункта, которым мы сейчас займемся, показания являются неясными и противоречивыми. Это вопрос о том, какой гимн или какие гимны исполнялись во время праздника 20-го прериала. Два положения нам кажутся достаточно выясненными: 1) слепые дети пели во время шествия гимн Божеству, слова Deschamps, музыка Bruni; 2) три строфы на мотив Марсельезы были спеты на горе Марсова поля; ни одна из газет не обходит это молчанием.

Что же касается гимна Верховному Существу, который был исполнен в Тюильри или на Марсовом поле, тут вопрос запутывается. В «Монитор» мы видели: «когда мужчины и женщины разместились в означенном порядке (на горе), музыканты исполнили гимн Верховному Существу, слова которого мы уже раньше привели; так как в номере той же газеты от 19-го прериала был помещен гимн М.-Ж.Шенье, начинавшийся словами: «Source de verite, qu'outrage l'imposture...», то, следовательно, и выходит, что именно этот гимн был исполнен на горе. В «Gazette historique et politique»⁵³) также находим: «Тут был исполнен музыкантами, размещенными по склонам горы, гимн Всевечному, сочинение М.-Ж.Шенье, депутата Конвента; поэт был вдохновлен своим талантом и еще больше величием своей темы. Ни в одном из его произведений мы не знаем ничего, что в такой высокой степени соединяло бы возвышенность мыслей, пышность стиля и ту изящную точность выражения, которая составляет главную прелесть поэзии». «Annales de 1a Republique francaise»⁵⁴) печатают несколько строф из гимна Шенье, «который был исполнен на горе». «Nouvelles politiques nationaux et etrangeres»⁵⁵) говорят с большою точностью: «на champ de la Reunion, когда мужчины и женщины разместились в определенному, порядке, музыканты исполнили гимн Верховному Существу. Вот некоторые строфы из него:

«O toi seul incree, seul grand, seul necessaire

Auteur de la vertu, principe de la loi»... и т.д.

Эти строфы взяты из гимна М.-Ж.Шенье (Source de verite).

Судя по «Journal de Perlet»⁵⁶), «за обеими речами Робеспьера следовал гимн Шенье, исполненный артистами разных театров». «На горе новые гимны были исполнены в честь Верховного Существа». Таким образом выходит, что гимн Шенье был исполнен в Тюильри, а не на Марсовом поле. Каковы же были другие гимны, исполненные на горе? Перле слишком неявно выражается, чтобы мы могли об этом догадаться. - «Mercure française»⁵⁷) говорит: «после второй речи Робеспьера артистами различных театров был исполнен гимн Шенье». На горе «был исполнен следующей гимн: "Pere de l'univers, Supreme Intelligence..."» Здесь уже речь идет не об одном гимне, а о целых двух. Первый из них, сочинения Шенье, был исполнен в Тюильри, а второй, начинающийся словами: «Pere de l'univers Supreme Intelligence....» сочинения Th.Desorgues, был исполнен на Марсовом поле. «Auditeur National»⁵⁸) говорит: на Марсовом поле, «когда все граждане были размещены в порядке, музыканты исполнили следующий гимн Божеству: Pere de l'univers Supreme Intelligence...» - «Gazette nationale de France»⁵⁹), «Mercure Universel»⁶⁰), «Journal de Paris national»⁶¹), «Journal de France»⁶²). «La feuille villageoise»⁶³) - все эти газеты печатают отдельно: «Гимн Верховному Существо, исполненный 20-го прериала на champ de 1a Reunion» или «Гимн Верховному Существо, который будет исполнен 20-го прериала на champ de 1a Reunion» смотря по тому, появилась ли газета до или после праздника. И гимн этот есть сочинение Desorgues «Pere de l'univers, Supreme Intelligence...» - «Courrier de l'Egalite»⁶⁴) печатает оба гимна, не говоря, который из них был исполнен.

Наконец в «Precis de la fete par les citoyens Bontemps et Barry»⁶⁵) сказано: после речи Робеспьера «артистки спели в унисон гимн Pere de l'univers, а артисты вместе со всем народом хором повторяли куплеты». На горе «музыканты исполнили гимн Верховному Существо, при чем зрители повторяли хором припев. За этим гимном следовала большая симфония; старики и юноши» и т. д. Итак, гимн Дэзорга был исполнен в Тюильри, но какой же другой гимн пели на горе? Далее мы увидим, какое объяснение по этому поводу дает Guillaume. - «Decade philosophique»⁶⁶) выражается так: «Председатель обратился к народу с речью... Когда он кончил говорить, артисты Национального Института исполнили гимн Верховному Существо». После второй речи «музыканты исполнили несколько новых песен». Все это очень неопределенно, но далее мы имеем уже вполне точные указания; в конце статьи приведены стихи под следующим заглавием: «Гимн Верховному Существо, сочинение Т.-Н. (sic) Desorgues, музыка Gossec, исполненный на эстраде Национального Дворца, после речи Робеспьера (Source de verite, Supreme Intelligence).

Мы привели все эти длинные выдержки с целью показать, что данный вопрос является в высшей степени неясным и запутанным. Нам представляется 5 различных версий: 1) гимн Шенье был исполнен на горе Марсова поля («Монитор» и некоторые другие газеты); 2) гимн Шенье был исполнен на эстраде в Тюильри («Journal de Perlet»); 3) это гимн Дэзорга был исполнен на горе Марсова поля («Auditeur National»); 4) гимн Дэзорга был исполнен на эстраде в Тюильри («Precis de la fete», «Decade philosophique»); 5) гимн Шенье был исполнен в Тюильри, а гимн Дэзорга на Марсовом поле («Mercure française»).

Обратимся к официальным документам. Программа Давида предвидела только одну музыкальную народную манифестацию, а именно - три строфы, исполняемые на горе и повторяемые всем народом. Что же касается Тюильри, то в его плане сказано: «первая часть церемонии заканчивается простой и радостной песнью». - Поручение написать слова для трех строф, проектированных Давидом, было возложено на М.-Ж. Шенье. Было решено, что эти строфы будут спеты на мотив Марсельезы, как всем известный. Но помимо этих строф Шенье написал еще гимн Верховному Существо, начинающийся следующими словами:

«Source de verite qu'outrage l'imposture»...

Госсек написал музыку на этот гимн, и Комиссия решила, что его исполняют также на горе, раньше трех строф, оперные хоры под аккомпанемент оркестра Национального Института.

Мы видим, что в программе, изданной Исполнительной Комиссией Народного Просвещения, кроме гимна слепых детей, добавлено еще: 1) симфония, исполняемая в Тюильри после первой речи Робеспьера и 2) гимн Божеству, исполняемый одними лишь музыкантами на горе Марсова поля. В конце этой программы помещался гимн Шенье; его и подразумевали под «гимном Божеству», исполняемым одними музыкантами». Этот же гимн был напечатан во многих газетах, как «Монитор» и другие. - Но был ли он действительно исполнен? и почему газеты говорят еще про какой-то другой гимн? Guillaume в своем сборнике «Procès-verbaux du Comité de l'Instruction Publique», в IV том, под заглавием «Pièces annexes», страница 559, собрал много документов, до сих пор мало известных и весьма интересных для изучения того, что было 20-го прериала, особенно по вопросу о гимнах. Он первый заметил, что этот вопрос плохо изучен. Благодаря его изысканиям свет пролился на этот пункт. Мы расскажем здесь вкратце его выводы, а также полемику, возгоревшуюся в журнале «La Revolution Française» между Guillaume, A.Lieby и J.Tiersot.

Все уже было устроено и распределено Исполнительной Комиссией и гимн Шенье был назначен к исполнению на Марсовом поле, когда 16-го прериаля Робеспьер познакомился с содержанием этой программы и выразил протест против способа исполнения гимна Божеству «лишь одними музыкантами». Он потребовал, чтобы гимн исполнялся всем народом. По этому поводу он имел свидание с Сарреттом, директором Национального Музыкального Института, и сообщил ему свое желание. На замечание Сарретта, что хор, сочиненный Госсэком, представляет очень большую музыкальную трудность и может быть исполнен только артистами, Робеспьер указал весьма простой способ выйти из затруднения, а именно: отказаться от этого гимна и немедленно заказать Госсэку другой, который затем следует разучить с народом по секциям. Этот факт нам известен по двум свидетельствами это 1) статья музыканта Zimmermann, появившаяся 21-го ноября 1841-го года в «France musicale» (сведения автор имел от самого Sarrette), и затем 2) книга Hedouin'a «Mosaïque» (Париж, 1856 г. in 8°; сведения автор имел от одного ученика Госсэка). Эти два свидетельства разобраны и взвешены Guillaume'ом и Lieby.

Тогда Госсэк написал музыку более простую и более легкую на слова гимна поэта Th.Desorgues, который начинается следующими словами:

«Pere de l'univers, Supreme Intelligence»...

Таким образом, программа «Detail des ceremonies» была изменена в двух пунктах: в ней было сказано, что после первой речи Робеспьера будет исполнена симфония и что гимн Божеству будет исполнен на горе одними музыкантами. Согласно желанию Робеспьера решили, что гимн будет петь весь народ и что это будет в Тюильри, а не на Марсовом поле, где будут исполнены только три строфы на мотив Марсельезы. Таким образом, новый гимн, слова Дэзорга, музыка Госсэка, был назначен к исполнению, а первый гимн Шенье-Госсэка совсем не был исполнен, как это видно из письма архитектора Hubert от 8-го мессидора в Исполнительную Комиссию; он пишет относительно расходов по печатанию и гравировке гимна М.-Ж. Шенье и прибавляет «так как гимн не был исполнен, то я должен был отказать в уплате», на что Исполнительная Комиссия ему ответила 10-го мессидора: все расходы должны быть вами покрыты, «хотя этот гимн и не был исполнен»⁶⁷⁾

Итак, из всех рассказов очевидцев самым точным оказывается написанный Bontemps и Barry («Precis de la fete», о котором говорилось выше); там сказано, что «артистки пели в унисон» и что «артисты и весь народ хором повторяли куплеты»; именно этот способ исполнения был указан для гимна Дэзорга-Госсэка, когда тот появился в «Musique a l'usage des fete nationales »⁶⁸⁾ Что же касается следующего указания: музыканты исполнили гимн Верховному Существо, причем зрители подхватывали хором припев», то Guillaume объясняет это так: «мы склонны думать, что авторы, вместо того, чтобы рассказывать то, что они могли бы видеть и слышать, если бы присутствовали на Марсовом поле (ибо ни они, ни многие другие журналисты, писавшее о празднике, по-видимому, не присутствовали на второй части церемонии), попросту следовали, слегка изменяя по своему вкусу, тексту «Detail des ceremonies», который уже больше не соответствовал действительности. Принимая на веру этот неточный больше текст, они и сказали, что на Марсовом поле был исполнен гимн Верховному Существо, и они прибавили подробность повторения зрителями припева, не замечая, что эти слова в программе относятся к строфам на мотив Марсельезы; таким образом, они составили фразу, не соответствующую никакой действительности». Прибавим, что авторы «Precis de la fete» не были единственными, которые составили отчеты о празднике на основании официальных программ. Те из журналистов, которые знали о замене гимна Шенье гимном Дэзорга, не знали, что место, где гимн должен был быть исполнен, также было изменено, что и объясняет их заблуждение.

Если причина, вызвавшая замену одной музыки другою, нам кажется уважительной, то не совсем ясным представляется нам, зачем понадобилось также заменить одни слова другими, раз стихи Дэзорга были точно такого же размера, что и стихи Шенье. Почему отстранили гимн Шенье? Потому ли, что Шенье, в глазах Робеспьера, являлся «жирондистом», «федералистом», недостойным, чтобы ему было поручено написать национальный гимн, как это говорит Zimmermann? Или же потому, что гимн Шенье, говорящей о «счастливом преступлении» (crime heurieux), и о «Боге, покровителе невинности», якобы имел в виду Робеспьера, что этот последний понял намек и не захотел, чтобы этот гимн был исполнен, как это думает Hedouin?- Guillaume утверждает следующее: «Первый гимн был отстранен не из-за слов Шенье, а из-за слишком трудной музыки Госсэка, которую не мог бы исполнить народ» (стр. 602). Но он не объясняет, почему показалось необходимым заменить стихи Шенье стихами Дэзорга.

A.Lieby напечатал в журнале «La Revolution Francaise»⁶⁹⁾ статью: «M.-J. Chenier et l'himne a l'Etre supreme». Он вполне огласен с Guillaume относительно того факта, что гимн Шенье не был исполнен на празднике 20-го прериаля. Что же касается причины, вызвавшей устранение этого гимна, то он его объясняет так: Шенье был хорошо известен, как автор «Гимна Разуму», исполненного 10-го предыдущего фримера на праздники в честь Разума - «Так как Робеспьер сам противопоставлял *систему Шометта*⁷⁰⁾ *декрету об Верховном Существо*, то можно легко понять, что он не захотел допустить, как сочинение, долженствовавшее остаться официальным гимном нового культа, стихи поэта, известного тем, что он прославлял «La Raison d'Hebert et de Chaumette». «Робеспьер в данном случае поступал, как ясно сознающий свои обязанности первосвященник.

Julien Tiersot в своей статье «L'Hymne a l'Etre supreme», напечатанной в том же журнале⁷¹), пытается доказать, что гимн Дэзорга не был написан с целью заменить гимн Шенье. «Эти два произведения отнюдь не заменили одно другое, но все время сосуществовали, причем каждое имело свое место в двух различных моментах праздника». Гимн Дэзорга должен был быть исполнен народом в Тюильри, а гимн Шенье - одними музыкантами на горе Марсова поля, «но этому воспрепятствовало запрещение, наложенное на стихи Шенье и только это».

Guillaume ему отвечает⁷²): «Раз вступивши на этот ложный путь, Tiersot запутался в неразрешимых затруднениях; ему не удалось, ему и не могло удастся доказать основательность своей гипотезы». И мы вполне согласны с мнением Guillaume'a. Новое толкование, даваемое Tiersot, текстам программы Давида и «Detail des ceremonies», не кажется нам удачным и его гипотеза не достаточно хорошо обоснована.

Прибавим, что помимо этих двух гимнов Верховному Существо, около этого времени появилось еще много других. В сборнике «Rituel republicain»⁷³) (Paris, an II) можно найти много подобных гимнов «в честь Божества», «на бессмертие души» и т. п., а также и музыку, написанную для некоторых из них.

Приводим здесь гимн Дэзорга:

Hymne a l'Etre Supreme

Pere de l'univers, supreme intelligence,
Bienfaiteur ignore des aveugles mortels,
Tu revelas ton etre a la reconnaissance
Qui seul eleva tes autels.
Ton temple est sur les monts, dans les airs, sur les ondes,
Tu n'as point de passe, tu n'as point d'avenir;
Et sans les occuper, tu remplis tous les mondes,
Qui ne peuvent te coutenir.
Tout emane de toi, grande et premiere cause,
Tout s'epure aux rayons de ta divinite;
Sur ton culte immortel la morale repose
Et sur les moeurs la Liberte.
Pour venger leur outrage et ta gloire offensee,
L'auguste Liberte, ce fleau des pervers,
Sortit au meme instant de ta vaste pensee
Avec le plan de l'univers.
Dieu puissant! elle seule a venge ton injure;
De ton culte elle-meme instruisant les mortels
Leva le voile epais qui couvrait la nature,
Et vint absoudre tes autels.
O, toi, qui du neant, ainsi qu'une etincelle,
Fis jaillir dans les airs l'astre eclatant du jour,
Fais plus: verse en nos coeurs ta sagesse immortelle,
Embrase nous de ton amour.
De la haine des rois anime la Patrie,
Chasse les vains desirs, l'injuste orgueil des rangs,
Le luxe corrupteur, la basse flatterie
Plus fatale, qui les tyrans.
Dissipe nos erreurs, rends-nous bons, rends-nous justes,
Regne, regne au-dela de tout illimite,
Enchaîne la nature a tes decrets augustes,
Laisse a l'homme la Liberte.

Помимо показаний очевидцев в нашем распоряжении имеются еще различные сочинения, появившиеся несколько месяцев спустя, после 9-го термидора. Среди этих сочинений наиболее интересным является, без сомнения, рассказ, который мы находим в брошюре Вилата (Vilate), бывшего члена революционного трибунала⁷⁴). Он сообщает нам подробности относительно того, кто был героем праздника: он нам рассказывает про Робеспьера. Он его увидел утром 20-го прериала, около 10 часов и заметил, что «лицо его впервые светилось радостью». Робеспьер поднялся в квартиру Вилата, находящуюся в Тюилерийском дворце, в павильоне Флоры. Оттуда он мог видеть, как собирается народ из секций. «Он был поражен таким громадным стечением народа в Тюилерийском саду; надежда и радость сияли на всех лицах. Красоту картины еще больше увеличивали женщины своими элегантными одеждами и уборами. Чувствовалось, что народ собрался почтить праздником Творца Природы». В виду того, что Робеспьер еще не завтракал, Вилат предложил ему поесть у него. «Робеспьер ел мало. Его взгляды обращались к этому великолепному зрелищу. Он был как бы опьянен восторгом. *Вот наиболее интересная часть человечества. Вся вселенная собралась здесь. О, природа! сколь велико и сладостно твое могущество Как должны побледнеть тираны при мысли обе*

этом празднике. В этом заключался весь его разговор. - Максимилиан оставался здесь до половины первого». И Вилат прибавляет в примечании: «впоследствии я узнал, что его долго искали; не было ли это гордостью с его стороны деспотически заставлять ждать народ и членов Конвента?»

Итак, мы видим, что Робеспьер был доволен: наконец-то он видел осуществление тех идей, который ему были так дороги. Позднее он не мог без умиления вспомнить этот день. Вот что мы находим в его речи, произнесенной в Конvente 8-го термидора⁷⁵). «Навеки счастлив тот день, когда весь французский народ поднялся, чтобы воздать Творцу Природы единственное достойное его поклонение. Какое трогательное собрание всех предметов, которые способны прельстить взоры и чувства людей! О, почтенная старость! о, великодушный пыл сынов отечества! о, чистая и наивная радость молодых граждан! о, дивные слезы растроганных матерей о, божественная прелесть красоты и невинности, о, величие народа, счастливого одним сознанием своей силы, своей славы и своей добродетели! Существо существ! в тот день, когда вселенная вышла из Твоих всемогущих рук, блистала ли она тогда светом более приятным для Твоих глаз, чем теперь, когда, сокрушивши ярмо преступления и заблуждения, она является пред Тобой, достойная твоих взоров и своей великой судьбы?»

Праздник, по-видимому, вышел очень удачным. Но «несмотря на бесспорный энтузиазм, пьеса не прошла без свистков»⁷⁶). Как известно, этот праздник дал возможность врагам Робеспьера для враждебных манифестаций. Тут был и обидный шепот, и бранные слова; многие члены Конвента позволяли себе оскорблять его вполголоса, а то даже и совсем громко. Все эти враждебные выходки известны нам только по термидорианским свидетельствам из которых большинство не заслуживает доверия; поэтому очень трудно разобраться чем действительно состояли нанесенные Робеспьеру оскорбления. Вполне возможно, что после падения Робеспьера оскорбители хвастались и преувеличивали свою дерзость с целью показать, что, дескать, они осмеливались пренебрегать и оскорблять тирана, когда тот был еще в апогее своей популярности и могущества.

Во время шествия кортежа к *champ de la Reunion*, Робеспьер, в качестве председателя Конвента находился впереди, один и на некотором расстоянии от других. Сам ли Робеспьер ускорял шаг, и хотел изобразить из себя главу правительства? Или же члены Конвента, враждебно ему настроенные, нарочно замедляли свои шаги, чтобы выставить Робеспьера, как метящего в диктаторы, старающегося показать себя главою Конвента? Мы ничего наверное об этом не знаем, но все те, кто с нетерпением ждали случая как-нибудь повредить Робеспьеру, поспешили воспользоваться этим фактом и раздуть его. *Barreg* пишет в своих мемуарах: «Эта горделивая аффектация быть первым среди равных, не понравилась одновременно и народу, и членам Конвента. Многие голоса называли его *Революционный папа*; этим самым ему давали, как Магомету - скипетр и кадило». Интересное показание находим мы у другого члена Конвента - *Baudot*. Он пишет в своих «*Notes historiques*»⁷⁷): «Робеспьер был во главе этой процессии в качестве председателя Конвента. Он был одет, как всегда, в одежду небесно-голубого цвета и держал в руках букет цветов. Все заметили, что большое расстояние было между ним и его коллегами. Факт существования этого расстояния вполне достоверен. Одни приняли это просто за знак уважения, другие же увидели тут, что этим самым Робеспьер хотел попробовать вызвать со стороны своих коллег признание своей подчиненности ему. Что касается меня, то я склонен думать, что ненависть, питавшаяся всеми к Робеспьеру, вызвала это отчуждение от него. Действительно, прежние друзья Жирондистов не могли быть его приверженцами, безразличные не хотели слишком приблизиться к чудовищу, *монтаньярам* же была противна и сама церемония, и первосвященник. Не следует думать, что много ладану было воскурено божку этого дня. Я слышал много ругательств, достаточно громко произнесенных, чтобы дойти до слуха жертвоприносителя. Говорили, будто бы он мог воспользоваться этим днем, чтобы объявить свое владычество, этому отнюдь не следует верить; повсюду было недовольство, а радость и удовлетворение - нигде. Правильнее будет сказать, что его погибель была решена во время этой триумфальной процессии; многие совсем не скрывали этого; если стремление Робеспьера занять первое место во время шествия и не было главной причиной для недовольства, то заговорщики воспользовались этим, чтобы заставить думать о диктатуре и тем увеличить число своих приверженцев. Церемония закончилась напыщенной речью без силы, без мощи, и Робеспьер получил от своего якобы триумфа только ненависть одних и презрение других; он не сумел придать ни достоинства, ни силы столь высокому провозглашению (о Верховном Существо). Между мной и Робеспьером, продолжает *Бодо*, в колонне было не больше восьми человек, и я мог слышать все проклятия, посылавшиеся по его адресу; они исходили от *Thirion*, от *Montaut*, от *Ruamps*, а в особенности от *Lecointre de Versailles*, который более двадцати раз назвал Робеспьера *диктатором*, *тираном* и грозил его убить. Надо заметить, что все эти оскорбления и брань относились только к диктатору, но вовсе не к Верховному Существо. *Lecointre* и другие думали, что Робеспьер предложил эту идею, чтобы основать на божественном праве власть, которую он хотел захватить».

Вот что рассказывает сам *Laurent Lecointre* в брошюре, выпущенной им 11-го термидора под следующим названием: «*Conjuration formee des le 5 prerial (sic) par neuf representants du peuple contre Maximilien Robespierre pour l'immoler en plein senat*»⁷⁸).

На страница 3-ей говорится: «в тот день, который он (Робеспьер) предназначил для своего торжества, я возмущался аплодисментами, вызывавшимися его присутствием; и я кричал, что *я его столько же презираю, сколько и ненавижу*, с такой силой, что аплодисменты не могли меня заглушить. И я доводил это выражение своей ненависти до его слуха, каждый раз, как возобновлялись аплодисменты».

Courtois в своем «Rapport sur les evenements du 9 thermidor»⁷⁹) передает этот факт несколько иначе; говоря про Lescointre, он замечает: «мне приятно вспоминать его в день праздника Верховного Существа, говорящего Робеспьеру на трибуне, где тот считал себя на лоне славы: *мне нравится мораль твоей речи, что же касается тебя, то я тебя совсем не уважаю*; и эти слова могли оказаться губительными для него, благодаря низости некоторых лиц, окружавших диктатора». Нам неизвестно, грозила ли Lescointre'у опасность за его храбрость; если бы это было действительно так, вряд ли бы он упустил случай рассказать об этом в своей брошюре.

У нас есть еще один рассказ очевидца, а именно Tissot, и мы находим там новые подробности⁸⁰): «Робеспьер во главе Конвента старался держаться вдали от своих коллег, которых подобное неприличие (incovenance) окончательно вывело из себя. Многие подошли к нему и сарказмами нарушали его триумф. Намекая на статую Мудрости, которая появилась закопченной от огня⁸¹), говорили что его мудрость померкла. Другие депутаты выразили свой гнев более энергичными словами: *не перевелись еще Бруты*, говорил один; другой, повторяя знаменитую фразу Мирабо, восклицал, что *от Капитолия до Тарпейской скалы всею один шаг*».

В заключение приведем еще показание Вилата, который отнюдь не является свидетелем, наиболее внушающим доверие. После 9-го термидора ему надо было завоевать расположение нового правительства, и он не мог упустить возможности представить Робеспьера в смешном виде. При этом он не присутствовал лично на празднике и передает факты со слов других.

«С какой горделивой радостью шел он во главе Конвента, окруженный бесчисленным народом, отвечая элегантностью своего костюма чистому и яркому блеску этого дня; он впервые выступал в трехцветном кушаке народных представителей; на голове у него развивался султан. Все заметили его восторг; но в то время, как восторженная толпа кричала: *да здравствует Робеспьер*, что в республике соответствует смертному приговору, его коллеги, испуганные его дерзкими претензиями, раздражали его слух, как он жаловался впоследствии, злобными насмешками и сарказмами: *смотрите, как его приветствуют. Не хочет ли он быть Богом? Не правда ли, ведь это первосвященник Верховного Существа!* По этому поводу у него вырвалось восклицание: Можно подумать, что пигмеи вновь составляют заговор против тиранов⁸²). Александр, через аммонского оракула объявивший себя сыном Юпитера, не был более великолепен. - Но не только члены Конвента угадывали его теократические замыслы; я знаю от одного лица, которое слышало в Тюлленийском саду это энергичное восклицание истинного санюлота: *Посмотрите на него - ему мало быть повелителем, он хочет быть Богом*»⁸³).

В высшей степени трудно, повторяем, различить здесь истинное от ложного. Самым благоразумным, может быть, будет, если мы обратимся к речи Робеспьера от 8-го термидора, где он жалуется на нанесенные ему оскорбления. «Кто бы поверил, что среди общественного веселья нашлись люди, которые отвечали яростными криками на трогательный приветствия народа? Кто бы поверил, что председатель Конвента, обращавшийся к народу, был ими оскорбляем, и что эти люди были народные представители? Один этот факт объясняет все, что произошло с тех пор». Далее строчки зачеркнутые в рукописи: «Если всмотреться в характер их гнева, в средства и цель этой лиги, то можно подумать, что пигмеи вновь составляют заговор против тиранов...

Если бы факт, о котором я говорю, не способствовал пролитию света на виды этой коалиции, я воздержался бы от указания на некоторые скандальные явления, бывшие на празднике Верховного Существа; ибо властное чувство стыдливости не позволило бы мне признаться, что народные представители ответили яростными криками на трогательные приветствия народа; что председатель Конвента, говоривший народу, был оскорбляем грубой бранью и грубыми сарказмами одних и происками тех, кто приписывали преступления тому, кого они хотели погубить, и распространяли среди всех яд подозрения и страха, повторяя: *смотрите, как его приветствуют*»⁸⁴).

В бумагах Робеспьера, разобранных в которых после 9-го термидора было поручено особой комиссии, находится следующая заметка, написанная его рукой, об одном депутате, Bourdon (de l'Oise): «Он был самым ярким защитником атеизма. Он всячески старался сделать из декрета, провозглашающего существование Верховного Существа, средство нанесть среди монтаньяров врагов правительству; и ему это удалось. В день праздника Верховного Существа, в присутствии народа, он позволял себе по этому поводу самые грубые сарказмы и самые неприличные выходки. Со злостью заставлял он членов Конвента подмечать признаки того интереса, который публика оказывала председателю, чтобы из этого сделать ужасные выводы против него в душе врагов Республики»⁸⁵).

Весьма удивительно, что Робеспьер ни словом не упоминает про Lescointre'e, который, по-видимому, играет главную роль в интригах против него. Нам кажется, что Робеспьер несколько иначе, может быть, говорил бы 8-го термидора, употребил бы более сильные и резкие выражения, если бы все оскорбления и ругательства, упомянутые выше, были действительно произнесены, или если бы они дошли до его слуха. Как мы видели выше, у него осталось скорее приятное воспоминание об этом празднике, что вряд ли могло бы быть, несмотря на великолепие дня и громадное стечение народа, если бы ненависть его коллег действительно выразилась столь ярко и определенно.

Прибавим здесь, что ни один из историков, рассказывающих об этом деле, не упустил случая говорить про поведение членов Конвента во время праздника. Несколько новых вариантов на эту тему находим мы в «Histoire des Girondins» Ламартина⁸⁶) и в «Histoire des Montagnards» Эскирсса⁸⁷). Но ни тот, ни другой из этих историков не говорит нам, откуда он почерпнул эти новые сведения, и мы не можем принять эти показания, как могущие несколько более разъяснить этот до некоторой степени темный пункт. Другие историки, как Mignet, Thiers, Michelet, Louis Blan, Ernest Hamel, пользовались для своих трудов документами, о которых мы говорили выше.

После 9-го термидора появилось множество памфлетов и сатир, в которых высказывали свою ненависть к Робеспьеру все те, кто молчали во времена его могущества и популярности. Все эти сочинения суть не что иное, как партийные декламации, бесконечные повторения на одну и ту же тему: Робеспьер-тиран, Робеспьер-диктатор, Робеспьер-палач и т. д. Конечно, не упустили возможности представить в смешном виде праздник Верховного Существа. Если и не встречаются протесты против самого понятия Божества, то сарказмы не щадят первосвященника, и о празднике рассказывается уже с совсем иной точки зрения. Нет больше энтузиазма, растроганности и слез радости. Небезынтересно привести здесь некоторые из этих сочинений для сравнения с восторженными отзывами газет. - Вот в каких выражениях рассказывает о том празднике Montjoie, роялистский памфлетист, в своей «Histoire de la conjuration de Robespierre»⁸⁸). Он не находился в Париже в момент праздника и, не как очевидец, является он перед нами.

«Конвент, как и все другие власти подчиненный Робеспьеру, шел навстречу его желаниям. По его просьбе он постановил, что будет устроен праздник в честь Верховного Существа. Он (Робеспьер) хотел исполнять там должность первосвященника (Grand-Pretre). Конвент, чтобы угодить ему, избрал его председателем за несколько дней до праздника, дабы он мог играть главную роль во время церемонии. Робеспьер появился на Марсовом поле на вершине своего рода маленького утеса, сделанного из гипса. Оттуда, размахивая в одной руке букетом, а в другой - шляпой, он взывал к Верховному Существу. Многие из зрителей имели потребовать от него отчет одни о друге, другие о сыне, эти об отце, те о супруге; они воспользовались этим моментом, чтобы испросить у божественной справедливости мщение за все совершенные им убийства. Их молитва была услышана, а воззвание несчастного Робеспьера отвергнуто.

С этого момента рука Верховного Существа начертила ему вечный приговор осуждения, и земля не могла уже больше его выносить. Многим зрителям он показался отталкивающим из-за крови, в которой он так долго купался. В окружавшей его толпе громко раздавался ропот против его слишком жестокого и слишком долгого господства. И мне остается только описать его падение...»

Fantin Desodoards в «Histoire philosophique» буквально воспроизводит этот текст, и в таком же духе говорят многие другие писатели того времени. Но подчас и даже большое отдаление времени не позволяет автору судить беспристрастно. Fievue, писавший сорок два года спустя после этого события, тем не менее говорить о нем с большой несдержанностью. В 1836 г. он издает свою переписку⁸⁹) и в предисловии (стр. 100), описывает между прочим праздник Верховного Существа:

«Чтобы быть в состоянии оценить впечатление, произведенное на публику своим внешним удалением, от всякого влияния, Робеспьер выдумал праздник Верховного Существа; как праздник, он удался вполне. При желании можно было бы видеть в нем предшественника амнистии, ибо в этот день палач отдыхал. Была великолепная погода. Толпа была настолько значительна, что можно было подумать, будто Париж вылез из могил, но только помолодевшим, деятельным и блестящим; на всех лицах сияло сердечное чувство. Робеспьер мог обмануться и принять на свой счет то, что было просто некоторым развлечением после долгих месяцев печали и страдания. Если бы кто посмотрел на него, идущего в двадцати шагах впереди членов Конвента и других должностных лиц, разряженного, но все же не имеющего благородного вида, держащего в руках букет из колосьев ржи и цветов, тот мог бы заметить усилия, которые он делал, чтобы смирить свою гордость; но в этот момент, когда актеры парижских театров в греческих костюмах запели последнюю строфу так называемого гимна Верховному Существу, заканчивающаяся следующими стихами, в которых на самом деле заключалось обращение к Робеспьеру от имени всего народа:

*S'il a rougi d'obeir a des rois
Il est fier de t'avoir pour maître*

(Если прежде он краснел, что ему приходится повиноваться королям, то теперь он гордится, что имеет тебя своим господином), в этот момент вся надменность, заключающаяся в этом человеке, выразилась на его лиц; он почувствовал себя одновременно и королем, и богом. Если бы он обернулся и посмотрел на следовавших за ним депутатов, то он увидел бы, что ярость, с которой те переносили свое унижение, заключает в себе смертный приговор. Верховное Существо ответило ему тем, что ослепило его, дабы он не мог заметить, что последнее усилие, сделанное им для занятия трона приведет его только к той площади, где окончил свою жизнь Людовик XVI».

Fieeve в 1794 году находился в Париже, и вполне возможно, что он присутствовал на празднике. Он волен толковать вышеприведенные стихи, как якобы обращенные к Робеспьеру; но если бы его память отличалась большей точностью, то он не сказал бы, что эти стихи составляют последнюю строфу гимна, исполненного артистами театров. Эти стихи в действительности находятся во второй строфе гимна Deschamps, который пели слепые дети.

Charles Nodier также присутствовал на этом празднике; описание этого дня оставил он в своих «Souvenirs», изданных в 1831 году. В предисловии он называет свою книгу «un recueil de causeries sans importance», этим самым предупреждая нас не придавать слишком много веры его словам. Но некоторые историки, как, например, Луи Блан, пользовались этой книгой, и потому его показания не совсем уж безынтересны для нас. Любопытно, что он рассказывает про членов Конвента:

«Процессия приближалась. Впервые видели мы членов Конвента одетых в одинаковую форму; эта особенность, свойственная монархиям и аристократическим правительствам, являлась своего рода откровением. Leonard Bourdon был почти изящен и сам Armonville не лишен был известного достоинства. Церемониальная одежда членов Конвента, праздновавших Fete-Dieu, по приказанию Робеспьера была цвета bleu-barbeau с трехцветным кушаком. Их сабли, их шляпы, их ленты, их султаны, их деланная величественность во время шествия, эта смесь дикого Иерофантизма и патрициата, эти крики восхищенного народа, которому декретом возвратили Бога, нужно было все это видеть, чтобы поверить и чтобы понять, что все это было действительно прекрасно. Каждый депутат держал в руках букет цветов. Один только Робеспьер был в темно-синей одежде; один букет у него был приколот на груди, другой, огромных размеров, он держал в руках. Ему было бы слишком трудно изобразить на своей мрачной физиономии улыбку, которая, может быть, ни разу не появлялась еще на его губах; но я помню, что он с большой гордостью поднимал свою бледную голову и свой гладкий лоб (sa tete blame et son front lisse), и что его почти всегда затуманенный взгляд изображал нечто вроде нежности и восторженности»⁹⁰).

Теперь нам остается рассмотреть, как эта тема толковалась различными историками. Изучая произведения первых историков революции, мы видим, что весьма слабо и неясно была начерчена граница между памфлетом и историческим трудом. Так, например, «Histoire generale et impartiale des erreurs, des fautes et des crimes commis pendant la Revolution francaise» Prudhomme'a⁹¹) есть не что иное, как огромный контрреволюционный памфлет. В виду того, что многие историки, враждебные революции, пользовались этим произведением, может быть, небесполезно будет привести здесь отрывок, касающийся дня 20-го прериаля:

«Уничтоживши при помощи гильотины все, что стояло на его пути, Робеспьер, под предлогом очищенной религии, сам себе воздвигнул алтарь, прикрываясь именем Верховного Существа. Надо было его видеть, окруженного членами Конвента, находящимися у его ног, чтобы заискивать перед ним. Надо было его видеть, опьяненного своей гордостью и своей жестокостью, говорящего изумленной толпе: «Глупая порода, кади теперь передо мной, после того, как я окрасил в твоей крови султаны, развевающиеся на голове у меня и у моих рабов». Надо было его видеть на поле Федерации, возвышающегося на вершине горы, построенной по рисункам Давида, этого столь услужливого живописца. Над этой деревенской картиной, под этой веселой внешностью без труда можно было различить человеческие черепа, послужившие лесами при постройке этой святой горы.

Все члены Конвента были в одежде цвета bleu-barbeau (василькового цвета) и в culottes de peaux de daim; но у многих эти culottes были из человеческой кожи, вроде тех, которые были посланы Barrere'у одним генералом из Вандеи. Робеспьер, чтобы выделиться среди своих коллег был в одежде сине-лилового цвета, подобно бывшим королям Франции, когда те носили траур. - Некоторый простые души думали, что этот революционный тигр, достигший вершины своих мечтаний, удовлетворит наконец свою жажду крови... Но ничего подобного не случилось...».

Мы увидим, что многие историки, быть может, на основании слов Prudhomme'a, будут говорить, что все члены Конвента имели одежды одинакового цвета? А между тем выше мы читали, что постановление относительно формы одежды для народных представителей предусматривало лишь трехцветный кушак и султан на шляпе; цвет же одежды мог быть какой угодно. Что же касается culottes из человеческой кожи, то ясно, что они существовали только в воображении Prudhomme'a.

В «*Precis Historique de la Revolution Francaise*»⁹²⁾ Lacretelle'я мы находим очень краткое и очень неточное описание дня 20-го прериаля. Свой рассказ автор начинает так: громадная масса народа «так же как и все власти, то есть революционные комитеты и революционный трибунал» отправляются на Марсово поле. А нам между тем доподлинно известно, что праздник должен был начаться в Тюильри и что члены революционного трибунала не находились среди присутствующих. «Толпа женщин и молодых девушек поет песни, но это те женщины и те девушки, которые каждый день преследуют своими криками идущих на эшафот. - Члены Конвента приближаются⁹³⁾, Робеспьер находится во главе их; но большое расстояние замечается между ним и его коллегами. Он несет в руках несколько цветов и колосьев ржи. Его ужасное лицо старается изобразить спокойную торжественность; но скоро эта торжественность исчезает. Он услышал, как один из депутатов сказал ему: Робеспьер, мне нравится твой праздник, но тебя самого я ненавижу (то был Lecointre de Versailles). Прибывши к алтарю отечества, он (Робеспьер) обратился с речью к народу. Алтарь отечества находился на Марсовом поле, но к празднику 20-го прериаля на его месте была воздвигнута гора. Речи свои Робеспьер говорил в Тюильрийском саду. - «Он занимается тем, что повторяет пустые декламации своей первой речи». (Под этой первой речью автор подразумевает доклад Робеспьера от 18-го флореаля). «Возвышая голос, он произносит следующие слова: *Пусть этот день целиком принадлежишь миру и счастью...* тысяча сердец начинают заранее радостно биться. А завтра, прибавляет он, *завтра мы вновь примемся за свои работы и с новой силой будем преследовать врагов родины.* Из-за одних этих слов оратор не мог достичь трона, но сколько смертей было еще до его собственной...» - Lacretelle не любит цитировать буквально чужие речи; он заменяет выражения Робеспьера своими собственными, ради одного удовольствия парафразировать. - «Закончу ли я эту картину описанием церемонии такой же ужасной и нелепой, как и ее автор? Он берет факел и сжигает манекен, на котором было написано *Атеизм*. Все расходятся и женщины в ярости идут к воротам тюрем, чтобы своими криками известить несчастным, что они напрасно надеялись. Робеспьер на обратном пути был охвачен страхом; повсюду ему чудились направленные против него кинжалы». Нам кажется, что трудно сделать более неточное описание праздника. А между тем, в данном случае работа историка не была уж так трудна; стоило ему только обратиться к первой попавшейся газете, чтобы справиться, в каком порядке и в каких местах совершались различные церемонии этого праздника.

Toulongeon является более добросовестным историком с более серьезной документацией. И потому его описание праздника в известной степени соответствует истине. Но его заключения относительно общественного настроения и того, как парижане отнеслись к этому празднику, пожалуй, немного удивят нас. Он говорит⁹⁴⁾:

«Контраст между внешним убранством и выражением лиц был поразительный; бледность и смущение читались на всех физиономиях, и мрачная тишина ясно говорила, что только страх быть отмеченными, как не явившиеся, притащил всех граждан на этот праздник». И далее: этот праздник не произвел впечатления и по многим причинам, прежде всего из-за голода. Хлеб раздавался у дверей булочников; размер его был определен; и жители, принужденные долго ждать своей очереди, иногда возвращались домой, ничего не получивши... Народ переносил все терпеливо, но было бы уже слишком много требовать, чтобы он мог еще при этом веселиться; то изобилие продуктов, которое дает надежду на большой доход и предупреждает нужду, больше не существовало. Так, кто утром выходил натошак, чтобы отправиться на свой пост, возвращался домой все так же голодный и сраженный усталостью. - Праздниками у древних народов были жертвоприношения. Здесь ужасные воспоминания представлялись зрителям при самом входе на место праздника; он должен был быть на площади Революции, где каждый день человеческая кровь стекала с эшафота на мостовую. Каждый день туда приносили песок, чтобы скрыть это зрелище от испуганных взглядов. Орудие смерти ко дню праздника было убрано и перенесено к *barriere St.-Antoine*; но от жары эта кровавая смесь разлагалась и поднимавшиеся от нее запахи предупреждали толпу, прибывавшую на место праздника, и это впечатление действовало на дух и на настроение зрителей. Мало было тут семейств, которым не надо было бы отгонять воспоминаний от этого места, вызывавшего их; и трудно было повиноваться напечатанной и розданной всем программе, которая, определяя шествие и все движения, предписывала *крики восторга* после второй речи, которую должен был произнести Робеспьер».

По всей вероятности Toulongeon писал на основании своих личных воспоминаний, но он ошибается относительно момента начала голода. Парижане страдали от недостатка хлеба главным образом в жерминале и прериае III-го года; и к этому времени относятся тягостные дежурства у дверей булочных, о которых говорит Toulongeon. А в прериае II-го года народ не был еще доведен до такой крайности.

Аббат Montgaillard точно также находит, что народ не был доволен праздником. Вот в каких выражениях рассказывает он об этом дне в своей «*Histoire de France depuis la fin du regne de Louis XVI*»⁹⁵⁾:

«Робеспьер исполнял должность первосвященника культа Разума» (Почему автор говорит про культ Разума, раз дело идет о празднике Верховного Существа?). «Этот подражатель законодателю из Мекки из всех новаторов является наименее одаренным гениальностью; он не обладает никакими средствами, чтобы привлекать к себе людей, и все попытки его остаются бесплодными. Но считая себя способным сыграть роль знаменитого араба, он возымел претензии восстановить Божество в его правах. Для этой цели он произнес длинную метафизическую речь, которую слушала, ничего не понимая, грубая толпа, сбежавшаяся в Тюильрийский сад. По окончании проповеди первосвященник зажег два манекена, изображавших собою атеизм и фанатизм. Вооруженный букетом, он подал сигнал; тотчас же громадная колесница начала возить по аллеям сада хор из слепых музыкантов, которые пели гимны в честь Верховного Существа. Церемония несколько не интересуется зрителей, которые не видят тут никакой связи с пышным заглавием, данным ей; а между тем, ведь это великий художник Давид составлял план и руководил исполнением этой новой феерии, в неизвестном до сих пор роде».

Автор, будучи ярким католиком, естественно не мог сочувствовать новому культу. И ему кажется, что его чувства разделял весь народ.

Tissot, современник и очевидец события, которого мы уже цитировали, когда речь шла об отношении членов Конвента к Робеспьеру, в своей «Histoire complete de la Revolution Francaise»⁹⁶ делает довольно верное описание праздника. Он подробно говорит о радости и удовлетворении народа. Новая подробность: «вокруг членов Конвента (на горе) поместились группы детей, стариков, молодых девушек и молодых людей, которые с новым восторгом повторяли гимны, посвященные этой церемонии. Тот гимн, который начинается словами: *Dieu du peuple et des rois, des cites, des campagnes*, вызвал некоторую внутреннюю дрожь и религиозную сосредоточенность, которую невозможно выразить словами, даже если сам ее испытал среди 500 тысяч присутствующих, всех охваченных тем же волнением».

Гимн, про который говорит Tissot, был написан М-Ж.Шенье для праздника 14-го июля. Guillaume (Procès-verbaux, том IV) не считает возможным, чтобы этот гимн действительно был исполнен; память Tissot, который писал 50 лет спустя после события, вероятно, смешала гимн праздников 20-го прериала и 14-го июля.

Минье⁹⁷ в своем труде дает очень краткое описание дня 20-го прериала. Мы не находим там ничего нового.

Рассказ Тьера⁹⁸ несколько более длинен, но точно также мы не находим в нем подробностей, который были бы нам неизвестны. Mignet совсем не говорит про гимны, Thiers упоминает только о строфах, спетых на горе.

Авторы «Histoire parlementaire»⁹⁹, вместо описания этого праздника, ограничились воспроизведением программы Давида с строфами, которые должны были быть исполнены на горе, затем «Detail des ceremonies» и отчет, помещенный в «Journal de la Montagne». Но из всех историков только одни они сказали правду относительно гимна, исполненного на этом празднике. Там сказано: «М.-Ж. Шенье является автором строф, помещенных в программе Давида. Кроме того, он сочинил еще гимн Верховному Существо, начинающийся словами: *Source de verite*, который и должен был быть исполнен на празднике. Но Комитет Общественного Спасения предпочел ему другой гимн, сочинение Desorgues *Pere de l'univers...* и т. д. Gossec написал музыку на этот гимн».

Остальные историки далеко не так точны относительно этого пункта, как Buchez и Roux. Луи Блан питает полное доверие к «Монитору» и, следовательно, делает ту же самую ошибку, что и эта газета. Ernest Hamel точно также верит в непогрешимость «Монитора». Но так как ему приходилось читать «Histoire parlementaire», то он счел необходимым прибавить в примечании: «По некоторым рассказам того времени, гимн Desorgues'a был исполнен в Тюильрийском саду. Отсюда вытекает, вероятно, то заблуждение, в которое впали некоторые историки», и в первую голову он называет Buchez и Roux («Histoire de Robespierre», т. III, стр. 539).

Мишле спутал гимн Верховному Существо со строфами, исполненными на горе. Описание дня 20-го прериала. делаемое им в VII-м томе его «Histoire de la Revolution francaise» (стр. 325), без сомнения, является одним из самых красноречивых и блестящих, которое нам когда-либо приходилось читать. Но при помощи имеющихся в наших руках документов нам не трудно констатировать, что великий историк не всегда отличается большой точностью. Подчас он несколько смело толкует документы, которыми он пользуется. Ему приходилось иметь дело с брошюрой Вилата («Causes secretes») Этот последний рассказывает следующее: «Barrere и Collot d'Herbois просили позволения придти ко мне завтракать, чтобы насладиться из моих окон общим видом праздника. Жена Dumas, председателя революционного трибунала, неожиданно рано утром явилась ко мне из тех же побуждений». Затем Вилат завтракает с Робеспьером. «Через четверть часа после его ухода явились ко мне члены революционного трибунала, влекомые желанием видеть праздник».

Вот что Мишле делает с этими данными:

«Робеспьер, озабоченный тем, чтобы успокоить террористов и дать им некоторое подтверждение своих прежних намерений, под предлогом посмотреть на народ и на приготовления к празднику, отправился в павильон Флоры, чтобы позавтракать с Вилатом, *juge revolutionaire*, имевшим там квартиру. Президент Dumas утром предупредил Вилата, что приведет к нему членов революционного трибунала. Робеспьер по-видимому, боялся, как бы, в виду пустых слухов об амнистии, члены революционного трибунала не перешли на сторону Комитета Общественной Безопасности во главе с *Fouquier-Tinville*. Но случилась такая неприятная для Робеспьера вещь, что члены трибунала явились очень поздно, он, напрасно дожидаясь их, пропустил назначенный час и заставил членов Конвента ждать себя».

Вилат ничего не говорит о том, что *madame Dumas* была послана к нему, чтобы предупредить о посещении членов революционного трибунала, что это предполагаемое посещение было известно Робеспьеру и что это для того, чтобы увидеть членов трибунала, Робеспьер заставил ждать себя народ и членов Конвента. А между тем, какое основание мог бы иметь Вилат, чтобы умолчать обо всем этом: он, который не забывает ни одного обвинения против Робеспьера, мог ли бы он упустить случаи сказать, что даже в день праздника Верховного Существа мысли Робеспьера были около революционного трибунала.

Относительно костюмов народных представителей Мишле также совершает маленькую ошибку, говоря, что все члены Конвента были в голубых одеждах с красными отворотами. Мы уже говорили, что одежды членов Конвента отнюдь не обязаны были быть одинаковыми для всех. - «Робеспьер выделялся среди них своим костюмом более светлого, небесного цвета, У всех в руках было по букету, но его собственный был огромных размеров». - Этот букета был дан Робеспьеру одним из комиссаров, и мы не знаем, почему он мог бы быть больше других. - «Многие, как *Bourdon de l'Oise*, демонстративно повернулись к нему спиной и слушали его только на половину. Из его речи, совершенно пропавшей в таком большом пространстве, ничто не дошло до толпы, кроме, может быть, отдельных восклицаний: Да погибнут тираны! Завтра мы снова будем сражаться! и т. д ». - А между тем газеты сообщают нам, что речи Робеспьера часто прерывались аплодисментами. Довольно трудно прерывать радостными кликами речь, из которой не слышно ни одного слова. Как мы говорили выше, многие журналисты заметили, что, обычно несколько слабый, голос Робеспьера в этот день казался очень окрепшим и, несмотря на открытый воздух, его было всем хорошо слышно. - «Робеспьер, как обыкновенно, шел очень скоро, со взволнованным видом. Остальные члены Конвента отнюдь не последовали его примеру. Первые из них, те, кто находились во главе шествия, замедляли шаг может быть нарочно, а может быть из почтения, смешанного с ехидством: они сильно отставали от него и держали его таким образом отделенным от других. Время от времени он оборачивался и видел себя одиноким.

Робеспьер прибыл первым вместе с креслом, на котором несли *Couthon'a*, и тем самым оказался на самой вершине горы, а члены Конвента у его ног. Это обстоятельство, может быть чисто случайное, вызвало взрыв негодования.

На обратном пути страх уступил место яростной ненависти. *Bourdon*, весь красный от внутреннего бешенства, походил на демона. *Merlin de Thionville* чувствовал себя *Merlinom* на поле битвы, он говорил сильно и громко. Эти слова, брошенные в пространство о Бруте, или о Тарквинии, или о Тарпейской скале, были хорошо слышны народу. Возбуждение членов Собрания заражало и грубых санкюлотов, находящихся в толпе. Один из них все выразил в одном слове: «Ему недостаточно быть господином, он хочет еще быть Богом!» Самой сильной выходкой было, когда один из народных представителей без околичностей объявил Робеспьеру так, чтобы было слышно и ему, и депутатам, и толпе, свою ненависть к тирану. Он сказал буквально следующее: я тебя презираю и я тебя ненавижу. Этот смелый человек был *Lecointre*, немного смешной и сумасшедший, как мы говорили. Но в этот момент никто не засмеялся. Быть так явно оскорбляемым, и оскорбляемым при этом *Lecointre'ом*, это было злое обстоятельство для Робеспьера. Эта смелость развязала всем языки. Им все больше и больше давали волю по мере приближения к Парижу, Народ не без удивления видел членов Конвента, как живое проклятие, преследовавших с громким ропотом Робеспьера, Он шел быстро, другие шли также быстро, и все это обратное шествие имело вид не торжества, а бегства. Триумфатор казался преследуемым. И весь этот фантастический кортеж, окруженный облаками пыли, когда он вернулся во дворец, был подобен толпе фурий».

Робеспьер был оскорбляем в Тюилерийском саду и во время шествия на Марсово поле, все показания согласны относительно этого пункта. А Мишле хочет, чтобы это было на горе и при возвращении с праздника. Во всяком случае, то, что говорили члены Конвента, не могло быть услышано толпой. Народные представители составляли отдельную группу и не смешивались с народом. Как совершенно справедливо замечает профессор Олар, «народ ничего не заметил, и если гордость Робеспьера и страдала от этих глухих оскорблений, то его торжество все же являлось в полном своем блеске в глазах Франции и Европы»¹⁰⁰).

Исторические труды Мишле имели большое влияние на произведения Луи Блана. И поэтому в его «Hitoire de la Revolution»¹⁰¹), когда идет речь о дне 20-го прериаля, повторяются те же выводы и утверждения, что и у Мишле. Луи Блан также говорит: «зная, что члены революционного трибунала должны прийти к Вилату, Робеспьер потратил некоторое время, ожидая их; отсюда вышло запоздание, которое не преминули ему вменить в преступление. «Он изображает из себя короля!» - шептали его враги, указывая на его пустое место в амфитеатре, где уже собрались члены Конвента. Bourdon de l'Oise, Merlin de Thionville и те, кто оплакивал Дантона, и те, кто скорбел об Эбере, все были охвачены глухой яростью». - Далее он говорит, как Мишле: «обратное шествие заключало для него (Робеспьера) нечто странное и ужасное. Он чувствовал себя как бы преследуемым черною толпою демонов. Слова смерти раздавались у его ушей, хотя и сказанные вполголоса, но такие же острые, как клинок стилета... Он возвратился в свое жилище охваченный зловещими предчувствиями с тяжелым сердцем».

Но рассказ Луи Блана более подробен; по его ссылкам мы видим, что кроме «Монитора» и Вилата, он читал еще Charles Nodier, мемуары Senar'a, речь Робеспьера от 8-го термидора, «Histoire de montagnards» Эскироса и т. д.

Ernest Hamel, историк Робеспьера, должен был посвятить несколько длинных страниц описанию этого дня. Он хочет оправдать поведение Робеспьера и отвергает все взводимый на него обвинения. Он говорит¹⁰²): «уже в 9 часов утра Робеспьер был в Тюилерийском саду. Следовательно, в его намерения отнюдь не входило заставлять из гордости ждать своих коллег, как его обвиняли в этом. Он даже не завтракал... - И далее: «Одетый в костюм цвета bleu-barbeau и в culottes de nankin, с талией, стянутой поясом из национальных цветов, в шляпе с трехцветным султаном, а в руках, также как и все коллеги, имея букет, Робеспьер в качестве президента шел впереди других. Это было так просто и естественно. А между тем сколько раз потом его упрекали в том, что он из гордости отделялся от своих коллег и устанавливал между ними и собою обидное расстояние. Он шел впереди членов Конвента исключительно потому, что четырьмя днями раньше, как мы это видели, они его избрали своим председателем, и он шел во главе их, смешавшись, так сказать, с теми, кто находился в первом ряду».

Ernest Hamel добросовестно изучил документы, которые он мог найти, а также он пользовался трудами предыдущих историков. И его рассказ, если не считать вопроса о гимне, является вполне достоверным.

Charles d'Hericault посвятил себя изучению революции 9-го термидора. Он объясняет нам¹⁰³), каким путем Робеспьер был приведен к учреждению нового культа. «Не имея возможности проявить себя в глазах Франции и Европы каким-нибудь актом необыкновенного могущества, особенно могущества, основанного на общественном признании его, которое бы выделило его одного без его обязательной свиты из комитета Общественного Спасения, он захотел показаться во главе Конвента, как единственный представитель идеи власти и общественного порядка. За неимением военного престижа, он захотел иметь престиж религиозный и философский, не менее действующий на воображение». «Религиозный деспотизм, один Робеспьер мог его проявлять и должен был хотеть один его проявлять». Далее следует длинное описание праздника, из которого мы не узнаем ничего нового, кроме разве этой подробности, о которой автор не говорит, откуда он ее взял: «На колеснице, в позах, где грация смешивалась с приятной простотой, находились пастухи и пастушки, одетые в белое. Церера исполняла должность Верховного Существа. Эта пастушеская группа явилась на place Lois XV для поклонения статуе свободы, от которой на этот день в виде большого исключения отодвинули эшафот». Эта колесница с пастухами и пастушками не входила в программы, и, вероятно, чье-нибудь ложное показание дало повод Ch.d'Hericault подумать, что она фигурировала на празднике. Автор впадает в то же заблуждение, что и Fieeve, о котором речь была выше, говоря, что гимн «Dieu puissant invisible a nos yeux» был исполнен первыми артистами театров и консерватории. Гимн этот пели слепые дети.

В виде заключения скажем, что Конвент имел намерение составить и опубликовать отчет о празднике 20-го прериаля. Вот что мы находим в 39-м томе «Procès verbal de la Convention», стр. 132: «Национальный Конвент на предложение одного члена постановляет, что протокол заседания 20-го прериаля будет содержать в себе подробное описание национального праздника, бывшего вчера, а также речи, произнесенный председателем Национального Конвента; этот протокол будет послан всем властям и армиям Республики».

Но этот декрет не был приведен в исполнение. Напечатаны были только две речи Робеспьера (Discours de M. Robespierre, president de la Convention Nationale au peuple reuni pour la fete a l'Etre Supreme... В. N. Le 38/814, in 8°). Можно только пожалеть, что этот официальный отчет о празднике не был составлен. Тогда легко можно было бы избежать тех ошибок, в которые часто впадали лица, изучавшие данный предмет; и длинные работы тогда не были бы нужны для выяснения темных сторон вопроса.

Примечания

-) Художник Луи Давид (1748-1825) - член Конвента, друг Робеспьера, впоследствии придворный живописец Наполеона.
- 3) Доклад, декрет и программа Давида были напечатаны по приказанию Конвента и составили Брошюру, находящуюся в Национальной Библиотеке под номером Le 38/787, in 8°.
- 4) Так называли в то время Марсово поле. Тюильрийский сад был переименован в Jardin National, Тюильрийский дворец - в Palais National.
- 5) Архитектор Hubert, beau-frere Давида, генеральный инспектор построек Республики.
- 6) *Aulard*. «Recueil des actes du comite de Salut Public», т. XIII. стр. 526.
- 7) *Bibl. Nat. Le 38/1523*, in 8°.
- 8) Выше было сказано: для занятия места на горе каждая секция выберет десять детей моложе 8 лет.
- 9) «Instruction particuliere pour les commissaires charges des details de la fete a l'Etre supreme...» *Bibl. Nat. Le 38/2140*. in 8°.
- 10) *Aulard*. *Le culte de la Raison et le culte de l'Etre Supreme*. Paris. 1892, in 12°. стр. 297.
- 11) *Journal de Perlet*, от 22-го прериаля, B. N. Lc 2/203, in 8°.
- 12) *Ch. d'Hericault*. *La Revolution de termidor*. Paris, 1876. in 8°, стр. 205.
- 13) В сборнике «Discours prononces 1es jours de decadi dans 1a section Guillaume Tell» (B. N. Lc 2/809, in 8°) находится «Precis de 1a fete celebree a Paris 1e 20 prairia1», где между прочим, сказано: «накануне этого дня Булонский и Венсенский леса, прилегающие к Парижу, должны были доставить это громадное количество веток, являющихся атрибутами гражданственности».
- 14) «*Mercure Universel*» от 22-го прериаля (B. N. Lc 2/563, in 8°) «На террасе, перед Национальным дворцом, прислонившись к pavillon de l'Unite, возвышается великолепный амфитеатр. Передняя часть имеет цилиндрическую форму. Там нарисованы разные аллегорические фигуры, изображающие сюжеты праздников, упоминаемых в декрете 18-го флореаля».
- 15) Этот отчет появился в номере от 25-го прериаля, между тем, как две речи, которые произнес Робеспьер, находятся уже, в номере от 22-го прериаля. Мы их помещаем в самом описании.
- 16) «*Journal des homes libres de tous les pais*» (B. N. Lc 2/732, in 4°), номер от 23-го прериаля: «Горе тому, кому вид этой колесницы, одной из самых блестящих идей устроителей праздника, горе тому, повторяю, кому вид ее не доставил высокого наслаждения, чьи мысли при этом не стали более возвышенными, а мужество и любовь к родине не окрепли еще больше. Все эти дивные чувства, который составляют счастье человека и которые гарантируют ему его долголетие, нашли свое выражение в этой колеснице; горе тому, повторяю я, кто их не испытал: значит, он не любит ни свободу, ни труд, источник личного и общественного блаженства».
- 17) «*Mercure Universel*» дает еще одну любопытную подробность во время шествия на Марсово поле: «можно было заметить доску, несомую гражданами из секции Montreuil; на этой доске из различных цветов, подобно географической карте, были изображены 86 департаментов».
- 18) В номере, от 19 прериаля вслед за «*Detail des ceremonies*» помещен «Гимн Верховному Существо» М. Ж. Шенье, депутата в Конвента, музыка Госсекса (*Source de verite qu'outrage l'imposture* и т. д.). «Монитор» думает, что этот гимн Шенье был исполнен. Дальше мы будем говорить об этом заблуждении.
- 19) «*Gazette historique et politique*», номер от 22 прериаля (B. N. Lc 2/ 810, in 4°). «Посреди champ de 1a Reunion на месте алтаря отечества, была воздвигнута скалистая гора, покрытая дикими растениями; рядом с нею возвышалась колонна, на вершине которой стояла статуя».
- 20) «*Le messenger du soir*» 21-го прериаля (B. N. Lc 2/682 in 4°). «Ничто не может сравниться с видом этой горы по средине champ de 1a Reunion, когда, после окончания церемонии, народ свободно заполнивший площадь, то поднимался на гору, то спускался с нее и делал ее похожей на подвижную пирамиду, расцвеченную тысячью красок. «*Cougrier de l'Egalite*» 22-го прериаля (B. N. Lc 2/708 т 8°) добавляет: «вечером были веселье и танцы, которые в различных кварталах Парижа продолжались до поздней ночи».
- 21) *Moniteur*, reimpression, т. XX, 19-го прериаля.
- 22) B. N. Lc 2/563, in 8°, 22-го прериаля.
- 23) B. N. Lc 2/800, in 8°, 21-го прериаля.
- 24) B. N. Lc 2/207, in 8°, 23-го прериаля.
- 25) B. N. in 8° Inv. Z. 25188, 30-го прериаля.
- 26) B. N. Lc 2/755, in 4°, 23-го прериаля.
- 27) Lc 2/708, in 8° - 20-го прериаля.

- 28) Lc 2/819, in 8°.
- 29) Lc 2/147, in 8°, № 623.
- 30) B.N. Lc 2/752, in folio, от 25-го прериаля.
- 31) Procès verbaux du comité de l'instruction publique de la Convention nationale, том IV, стр. 586.
- 32) Некоторые надписи добавлены из «*Messenger du soir*» от 22 прериаля. (B. N. Lc 2/682, т 4°).
- 33) Lc 2/792, in 4°.
- 34) Lc 2/752, in folio.
- 35) Lc 41/1127, in 8° стр. 68.
- 36) Lc 2/563, т 8°; Bibl. Nat.
- 37) B. N. Lc 2 /788 in 4°, от 22-го прериаля.
- 38) Lc 2/249, in 4°.
- 39) Lc 2/207, in 8°.
- 40) Lc 2/752, in folio
- 41) Lc 2/758, in 4°, 22-го прериаля.
- 42) Lc 2/778, in 4°, 22-го прериаля.
- 43) Раньше эта газета называлась «*Feuille de salut publique*» (B. N. Lc 2/2792 in 4°) от 22-го прериаля.
- 44) Перле не совсем верно указывает время: все остальные газеты говорят, что члены Конвента появились в полдень.
- 45) Перле говорит здесь про болезнь Робеспьера (настоящую или притворную), которая была у него в вантозе. Ernest Hamel (*Histoire de Robespierre*, t.III. p,412) говорит: «Максимилиан был болен и очень серьезно... 1-го вантоза он был вынужден оставить всякую работу и лечь в постель. Болезнь его продолжалась больше месяца». В другом документе: «*Reponse des membres de deux anciens comites...*» (B.N. Lb 41/112) также упоминается об этой болезни: «Робеспьер симулировал долгую болезнь в конце зимы и в начале весны».
- 46) Неизвестно, о каком храме говорит Перле. Никакая другая газета про него не упоминает, и в официальных программах о нем не было речи.
- 47) B. N. Lc 2/80, in 8°, от 22-го прериаля.
- 48) B. N. Lc 2/789 in 4° от 21-го прериаля.
- 49) B.N. inv. Z. 25188-25241.
- 50) Bibl. Nat. Lb. 41 -1127 A. in 8° стр. 68.
- 51) *Garat*. «*Memoire historique sur le XVIII siecle*».
- 52) Paris, an III. B. N. Lb. 41,20, in 8, стр. 133.
- 53) B. N. Lc 2/810, in 4°, от 22-го прериаля.
- 54) B. N. Lc 2/758, in 4°, от 22-го прериаля.
- 55) B. N. Lc 2/747, in 4°, от 22-го прериаля.
- 56) B. N. Lc 2/203, in 8°, от 25-го прериаля.
- 57) B. N. Lc 2/40, in 8°, от 25-го прериаля.
- 58) B. N. Lc 2/207, in 8°, от 22-го прериаля.
- 59) B. N. Lc 2/1, in 4° от 21-го прериаля.
- 60) B. N. Lc 2/563, in 8° от 22-го прериаля.
- 61) B. N. Lc 2/80, in 8°, от 20-го прериаля.
- 62) B. N. Lc 2/717, in 8°, от 22-го прериаля.
- 63) B. N. Lc 2/463, in 8°, от 24-го прериаля.
- 64) B. N. Lc 2/708, in 8°, от 20 го прериаля.
- 65) B. N. Lc 2/809, in 8°.
- 66) B. N.Inv. Z, in 8°, 25188-25241.
- 67) Guillaume. «*Procès verbaux*», т. IV, стр. 594.
- 68) *Ibid.*, стр. 596.

- 69) Том 43, стр. 209.
- 70) Hebert и Chaumette являлись своего рода учредителями религии Разума, подобно тому, как Робеспьер был организатором культа Верховного Существа.
- 71) Том 45. стр. 130.
- 72) Ibid., стр. 260.
- 73) B. N. Lb41 1106, in 8°.
- 74) Causes secretes de la Revolution du 9 au 10 thermidor. B. N. Lc2 805. in 8°, стр. 196.
- 75) B. N. Lc 38/869, in 8°, стр. 25.
- 76) *Ch.d'Hericault*. Revolution de thermidor, стр. 213. - Memoires de Barrere publies par Hyppolite Carnot et David d'Angers. Paris, 1842, in 8°, t. II, стр. 202.
- 77) *Baudot*. Notes historiques. Paris, 1893, in 8°, ct. 4. (B. N. Lc 33/189).
- 78) B. N. Lb. 41/1169, in 8°.
- 79) B. N. Lc 38/1767, in 8°.
- 80) *Tissot*. Histoire complete de la Revol. Franc. Paris, 1834, in 8°, t. V, p. 219.
- 81) Об этом говорится в «Мемуарах» Senar'a (Paris, 1824, in 8°, p. 184): «Статуя, покрытая вуалью изображала атеизм; а председатель должен был сжечь это покрывало, из под которого должна была появиться статуя мудрости. Робеспьер зажег этот монумент, но пламя совершенно закоптило статую, и так называемая мудрость Робеспьера появилась затемненной, а сам Робеспьер вскоре умер, показав этим, что ему самому не хватало мудрости».
- 82) Наверное неизвестно, произносил ли действительно Робеспьер эти слова. Они находятся в его речи от 8-го термидора, напечатанной по распоряжению Конвента. Но в примечании сказано, что в рукописи эти строчки зачеркнуты. (Discours de Robespierre... B. N. Lc 38/869 in 8°, стр. 25).
- 83) «Les mysteres de la mere de Dieu devoiles». B. N. Lc 2/865 in 8°.
- 84) См. примечание на предыдущей странице.
- 85) «Rapport fait au nom de la commission chargee de l'examen des papiers trouves chez Robespierre», par E. H. Courtois - стр. 9 (B. N. Lc 38/1142).
- 86) T. VIII, стр. 208, in 8°, изд. 1847 г.
- 87) T. II, стр. 446, in 8°, изд. 1847 г.
- 88) Paris s.d. in 18°, т.II, стр. 92. B. N. Lb 41/14 b.
- 89) «Correspondance et relations de Fieeve avec Bonaparte». Paris, 1836, in 8°. B. N. Lb 43/14.
- 90) Charles Nodier. «Souvenirs», т.I, стр. 174. B. N. La 33/91, in 8°.
- 91) Paris, an V, in 8°, том V, стр. 151 B.N. La 32/45
- 92) Paris, 2-me edition 1806, in 18, том 2, стр. 287. B. N. La 32/26.
- 93) В своем желании сократить рассказ Lacretelle не говорит нам, откуда они шли и куда они направлялись во глав с Робеспьером.
- 94) «Histoire de France depuis la Revolution de 1789» Paris, 1803, in 4°, t. II, стр. 487, B. N. La 32/68.
- 95) Paris, 1833 (V edition), t. IV, стр. 207, B. N. La 32/158 D, in 8°.
- 96) Paris, 1834, in 8°, m. V, стр. 219.
- 97) «Histoire de la Revolution Francaise» Paris, 1905. 19-em ed. m. 1. стр. 65.
- 98) Histoire de la Revolution, Paris. 1842, II-me edition, m. VI, стр. 115.
- 99) *Buchez et Roux* «Histoire parlementais t. 33. Стр. 151. B.N. La 32/200.
- 100) «Le culte de la Raison et le culte de l'Etre Supreme», стр. 319.
- 101) Paris, 1858, in 8°, t. X. стр. 454.
- 102) «Histoire de Robespierre», Paris, 1867, in 8°, t. III, стр. 535,
- 103) «La revolution de thermidor», Paris, 1876, in 8°, стр. 200.